

Ника Мур

Вторая жизнь
бабушки хирурга

Берегите сердце, милорд

попаданка

Ника Мур

Вторая жизнь
бабушки хирурга

Ника Мур

**Вторая жизнь бабушки Хирурга.
Берегите сердце, милорд**

«Литнет»

2026

Мур Н.

Вторая жизнь бабушки Хирурга. Берегите сердце, милорд /
Н. Мур — «Литнет», 2026

Я очнулась у алтаря в теле восемнадцатилетней Элары. Моя семья продала меня, как породистую кобылу, угрюмому герцогу. Мой новоиспеченный муж холоден, властен и не скрывает, что в его сердце (и постели) уже занято место другой. Он ждет от меня покорности и слез. Но не так то было! Ведь еще вчера я была Ниной Петровной — заслуженным кардиохирургом, чей стаж длиннее, чем жизнь большинства моих пациентов. Я готовилась встретить смерть в тихой палате, но у судьбы оказался специфический юмор... И вот я здесь! ..И у меня плохие новости для герцога: Во-первых, у меня советская закалка и девяносто лет жизненного опыта за плечами. Во-вторых, я вижу людей насквозь — и его аритмия беспокоит меня куда больше, чем его любовница. А в-третьих... я наведу порядок в этом средневековом гадюшнике. И начну, пожалуй, с дезинфекции! В книге вас ждут: ✓ Героиня со стальным стержнем: мудрая, ироничная и знающая цену жизни. ✓ Медицинское прогрессорство: как спасти жизни, когда из инструментов только кухонный нож и вера в гигиену. ✓ Противостояние характеров: попробуй сломить ту, что оперировала под бомбежками! ✓ Наказание изменника: месть — это блюдо, которое подают стерильным. ✓ Бытовое фэнтези: от мытья рук до спасения королевства. ✓ Любовь и страсть: даже у самого ледяного герцога есть сердце, которое можно заставить биться правильно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3(Себастьян)	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6(Себастьян)	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9(Себастьян)	33
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12(Себастьян)	46
Глава 13	49
Глава 14(Себастьян)	52
Глава 15	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Глава 1

Мир схлопывался медленно, словно старый ламповый телевизор. Сначала исчезли цвета, превратившись в серую, вязкую дымку, затем — звуки. Писк монитора, который последние три дня был моим единственным собеседником, вдруг стал глухим, будто я погрузилась под воду.

Девяносто лет. Срок почтенный, даже избыточный. Я прожила его честно, до последней минуты, до последнего стежка на чужих сердцах. И теперь, чувствуя, как ледяная немота поднимается от кончиков пальцев к коленям, я не испытывала страха. Только странное, почти детское любопытство: неужели это всё?

Тяжесть, копившаяся десятилетиями — в суставах, в легких, в самой душе, — вдруг начала таять. Стало легко. Так бывает, когда после многочасовой операции наконец снимаешь пропитанный потом халат и выходишь на свежий воздух. Я сделала вдох — и не почувствовала привычного жжения в груди.

Впереди забрезжил свет. Не яркий, не ослепляющий, а мягкий, молочно-белый, как туман над рекой в августовское утро. Я шагнула в него, чувствуя, как серая палата растворяется за спиной. «Ну вот и всё, отмучилась», — промелькнула последняя мысль, и я закрыла глаза, отдаваясь этому покою.

Но покой длился недолго.

Вместо тишины вечности в уши ударил гул. Низкий, вибрирующий, он пробирал до костей. Запах хлорки и старости сменился чем-то невыносимо тяжелым: смесью воска, немых тел, застоялого ладана и сырой пыли.

Я открыла глаза.

Мир не был белым. Он был багрово-золотым и пугающе резким. Надо мной нависали своды, покрытые копотью и потемневшей от времени росписью. Лики каких-то святых смотрели сверху с суровым осуждением. Свет падал из узких, высоких окон, в которых плясали мириады пылинок.

— Дочь моя, ты слышишь меня? Соberись. Пред лицом Создателя негоже пребывать в беспамятстве.

Голос был сухим, как треск ломающихся веток. Я медленно повернула голову. Старик. Совсем древний, в тяжелом одеянии, расшитом золотыми нитями, которые местами истерлись до серой основы. Его лицо было изрыто оспой, а глаза, подернутые катарактой, смотрели сквозь меня. Он медленно махал серебряным шаром на цепи, и из него валил сизый, душный дым.

«Галлюцинация, — вынесла я вердикт. — Мозг выдает остаточные картинки перед окончательным отключением. Станный выбор, Нина. Почему костел? Ты же никогда не была набожной».

Я попыталась пошевелиться, ожидая привычного хруста в пояснице, но его не было. Тело ощущалось... странно. Слишком легким. Слишком чужим. На плечи давила невероятная тяжесть ткани — плотной, колючей, расшитой камнями, которые при каждом движении издавали тихий сухой стук.

— Элара!

Этот окрик был коротким, как удар хлыста.

Я повернулась вправо. Рядом со мной стоял мужчина. Он был высок — намного выше меня нынешней, — и его фигура в черном бархате казалась монументальным изваянием на фоне золоченого алтаря. Резкие скулы, прямой, будто выточенный из кости нос, и тонкие губы, сжатые в прямую линию. Он был красив той хищной, породистой красотой, которая пугает больше, чем уродство.

Но я смотрела не на его лицо. Помимо воли, глаза фиксировали детали, которые мозг обрабатывал быстрее, чем я успевала осознать.

Бледность. Не благородная, а нездоровая, с едва заметным сероватым подтоном у крыльев носа. Пульсация тонкой жилки на виске — слишком частая, неритмичная. И дыхание. Мужчина дышал неглубоко, короткими толчками, будто боялся, что полный вдох причинит ему боль.

В пальцах вдруг возник странный, почти болезненный зуд. Мне захотелось — нестерпимо захотелось! — схватить его за запястье. Найти точку пульса. Прижать пальцы к этой жилке. Я не понимала, зачем мне это нужно в моем предсмертном бреде, но рефлекс был сильнее разума.

— Хватит разыгрывать обморок, — процедил он, не глядя на меня. — Ты знала, на что шла. Твой отец получил свое золото. Теперь исполни свою часть сделки. Отвечай.

Он повернул голову, и я встретила с его глазами. Холодными, как лед на дне колодца. В них не было ни капли тепла, только ледяное раздражение и какая-то затаенная, глубокая усталость.

— Дочь моя, — снова проскрипел старик со священным шаром. — Согласна ли ты взять в мужа Себастьяна де Вальде, герцога северных пределов, быть ему верной спутницей и...

Слова утекали сквозь пальцы, как песок. Я смотрела на свои руки, сжимающие букетик белых цветов. Кожа была белой, гладкой, без единой морщинки. Юные, тонкие пальцы. Без узлов артрита. Без шрамов от скальпеля, которые я заработала за сорок лет в операционной.

«Это просто сон, — уговаривала я себя. — Долгий, странный сон перед концом. Нужно просто согласиться, досмотреть этот спектакль, и тогда свет вернется. Тогда всё закончится».

— Согласна, — произнесла я.

Собственный голос испугал меня. Он был высоким, чистым и звонким, как колокольчик. Никакой хрипоты, никакого старческого дребезжания.

Себастьян — так его назвал старик — криво усмехнулся. Он взял мою руку. Его ладонь была горячей, почти лихорадочной, а хватка — стальной. Он надел мне на палец тяжелое кольцо, которое тут же сползло бы вниз, если бы не костяшка сустава.

— Объявляю вас мужем и женой, — пробормотал священник, торопливо крестя воздух.

Он даже не дождался, пока мы выйдем. Себастьян рывком потянул меня за собой.

Я едва успевала переставлять ноги. Шлейф платья, тяжелый, как мешок с песком, цеплялся за выступы каменных плит. Мы шли по бесконечному проходу между рядами деревянных скамей. Вокруг шептались. Люди в странных, многослойных одеждах, от которых пахло прогорклым маслом и старым тряпьем, провожали нас взглядами. В этих взглядах не было радости — только любопытство, смешанное с жалостью.

Мои ноги. Я шла. Я почти бежала за этим мужчиной, и мои колени не подгибались. Спина, которая последние тридцать лет была моим личным адом, не стреляла болью при каждом шаге. Я чувствовала силу в мышцах, легкость в каждом движении. Это было так неестественно, так невозможно, что дыхание перехватило.

Мы вышли из собора, и реальность ударила по чувствам наотмашь.

Солнце было слишком ярким. Оно буквально резало глаза, заставляя щуриться. Звуки города ворвались в уши какофонией: крики уличных торговцев, грохот колес по булыжнику, ржание коней и лай собак. Но хуже всего был запах.

Это была стена вони. Гниющие овощи, испражнения, запах сырого мяса и нечистот, которые, казалось, текли прямо по канавам вдоль дороги. Я зажала нос ладонью, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

— Карету! — рявкнул Себастьян.

К ступеням собора, тяжело переваливаясь, подкатило чудовище из дерева и железа. Черное, украшенное потускневшей резьбой, оно казалось гробом на колесах. Возница, одетый в потрепанную ливрею, соскочил с козлов, едва удерживая под уздцы двух костистых, нервных лошадей.

Себастьян на мгновение замер. Я увидела, как его лицо стало почти прозрачным. Он прижал ладонь к груди — чуть левее центра — и судорожно выдохнул через сжатые зубы.

Порыв был мгновенным. Я шагнула к нему, протягивая руку, чтобы поддержать под локоть, чтобы... что? Мои движения были уверенными, четкими. Тело само знало, как нужно встать, чтобы подхватить падающего человека.

— Не трогай меня, — прошипел он, отшатываясь. — Садись в карету. Живо.

Его голос сорвался на хрип. Он буквально затолкал меня внутрь, на жесткое сиденье, пахнущее пылью и старой кожей. Дверца захлопнулась с тяжелым стуком, отрезая часть уличного шума. Себастьян не сел со мной — я услышала, как он с трудом взобрался на лошадь, и как его голос, полный раздражения, скомандовал отправляться.

Карета дернулась. Я ударилась плечом о стенку, но боли почти не почувствовала.

Я осталась одна в полумраке экипажа. Тряска была невыносимой, колеса подпрыгивали на каждом камне, и меня швыряло из стороны в сторону.

Я подняла руки и уставилась на них в тусклом свете, пробивающемся сквозь щели в шторах. Маленькие, изящные ладони. Ногти аккуратно подстрижены, на указательном пальце — крохотная мозоль, какая бывает от долгого письма пером.

«Это не смерть, — прошептала я, и звук собственного голоса заставил волосы на затылке зашевелиться. — Смерть не пахнет дерьмом и гнилью. Смерть не трясет тебя в деревянной коробке».

Я попыталась вспомнить, кто я.

Девяносто лет. Серая палата. Писк монитора. Мое имя... Нина. Да, Нина Петровна.

Но чьи это руки? И почему тот мужчина назвал меня Эларой?

В голове вдруг что-то лопнуло. Будто натянутая струна не выдержала и с противным звоном оборвалась.

Я увидела вспышку. Белый, ослепительно белый кафель. Блеск нержавеющей стали под бестеневыми лампами. Запах спирта — такой резкий и родной, что я едва не закричала.

— Зажим! — скомандовал чей-то голос, и я поняла, что это мой голос. — Живо! Давление падает! Мы его теряем!

Я видела свои руки — другие, в латексных перчатках, испачканных алой, бьющей толчками кровью. Я видела раскрытую грудную клетку и сердце... человеческое сердце, обнаженное, незащищенное, которое я сжимала пальцами, заставляя его работать.

Вспышка погасла так же внезапно, как и началась.

Я сидела в карете, вцепившись пальцами в подол тяжелого платья. Сердце колотилось в горле, в висках стучало.

— Где я?... — вырвалось у меня.

Это не был рай. И не был ад. Карета везла меня по грязным улицам чужого города в чужую жизнь.

Я посмотрела в окно, отодвинув тяжелую штору. Снаружи проплывали серые дома с нависающими вторыми этажами, грязные ребятишки, играющие в пыли, и всадник в черном бархате, который ехал чуть впереди, сутулясь в седле.

Я не знала, кто эта Элара. Не знала, почему её отец продал её этому человеку. Но я знала одно: я жива. И это тело — восемнадцатилетнее, сильное, здоровое — теперь мое.

Ужас ледяной волной прошел по позвоночнику. Я закрыла лицо руками, пытаюсь сдерживать рыдание, которое было наполовину стоном облегчения, наполовину — криком безумия.

Карета грохотала, увозя меня всё дальше от белого кафеля и стерильного покоя, в мир, где смерть ходила по улицам, а жизнь стоила ровно столько, сколько герцог был готов заплатить за нищую невесту.

Глава 2

Карета подпрыгивала на ухабах так, что мои новые, неприлично крепкие зубы клацали, рискуя прокусить язык. Каждое движение этого неповоротливого ящика на колесах отдавалось в теле странным эхом. Но это не была привычная, выматывающая боль девяностолетнего скелета, когда каждый сустав скрипит, как несмазанная телега. Нет. Это были толчки живых мышц, упругость плоти, которая принимала удары и мгновенно восстанавливалась.

Я сидела в полумраке, вцепившись в облезлый кожаный поручень, и пыталась не дышать. Снаружи, сквозь щели в тяжелых шторах, сочился запах, который любой эпидемиолог счел бы объявлением войны. Гниль, конский навоз, застарелый пот и кислые испарения сточных канав.

«Санаторий «Средневековье», Нина Петровна, — язвительно шепнул внутренний голос. — Пятизвездочный ад с полным отсутствием канализации».

Я осторожно подняла руку и коснулась шеи. Кожа под пальцами была гладкой, как шелк. Никаких складок, никаких «колец Венеры» или старческой гречки пигментных пятен. Я спустилась ниже, ощупывая ключицы, плечи... Тонкая кость, девичий объем. Под тяжелым слоем парчи и кружев скрывалось тело, которое было на пике своего биологического потенциала.

Это было похоже на то, как если бы меня, старого опытного механика, внезапно пересадили из разваленного «Запорожца» в новенький, только что сошедший с конвейера «Мерседес». Причем без инструкции по эксплуатации.

Я закрыла глаза, и тут же на внутреннюю сторону век плеснуло чужим воспоминанием.

Холод. Промозглый чердак, пахнувший дешевой ржаной мукой и мышами. Отец — Стефан, вечно сутулый, с серыми от недосыпа руками — сидит за столом. Перед ним пергамент и тусклая свеча. Он не смотрит на меня. Его плечи дрожат.

— Дочка, он обещал простить все долги мельницы... Он заплатит золотом. Ты будешь герцогиней, Элара. Ты будешь сыта.

В его голосе нет любви, только отчаяние и облегчение человека, который наконец-то сбросил лишнюю обузу.

Я открыла глаза. Щеки горели. Значит, Элару просто продали. Выставили на торги молодую плоть, чтобы спасти семейный бизнес. Старо как мир. И судя по тому, как герцог Себастьян швырнул меня в эту карету, он прекрасно осознавал ценность «покупки».

Тряска внезапно прекратилась. Раздался пронзительный скрежет железа — ворота. Мы въехали во внутренний двор.

Когда дверца кареты распахнулась, я не стала ждать, пока возница соизволит подать мне руку. Я просто вышла. Легко, пружинисто, едва не запутавшись в бесконечных юбках.

Замок Де Вальде не походил на открытку из путеводителя. Это была мрачная, приземистая громада из серого камня, которая, казалось, врастала в землю под тяжестью собственного величия. Стены плакали от сырости, в углах двора темнели кучи прелой соломы.

Меня встречали.

В центре стояла женщина, напоминающая монумент из застывшего жира и высокомерия. Чепец на её голове был накрахмален до хруста, а ключи на поясе звякали при каждом вдохе.

— Я мадам Гритт, экономка этого дома, — заявила она, даже не сделав попытки присесть в реверансе. Её взгляд прошёлся по мне, как наждачная бумага по нежной коже. — Для мельниковой дочки здесь слишком много чести, но приказ герцога — закон. Идите за мной.

Я промолчала. Пока что. Девяносто лет жизни научили меня: прежде чем оперировать, нужно провести осмотр.

Внутри замок оказался еще хуже. Сквозняки гуляли по коридорам, как полноправные хозяева. Пахло пылью, кислым элем и собачьей шерстью. Мадам Гритт привела меня в покои, которые, судя по всему, не видели тряпки со времен постройки крепости. В углах висели лохмотья паутины, а от огромного камина веяло холодом.

— Здесь вы будете ждать его светлость, — бросила экономка, направляясь к выходу. — Ужин подадут в девять. Мыться в такое время вредно для соков тела, так что обойдетесь обтиранием.

— Стоять, — сказала я.

Голос был тихим. Но это был тот самый тон, от которого в моей прошлой жизни интерны падали в обморок, а анестезиологи начинали судорожно проверять баллоны.

Мадам Гритт замерла. Она медленно повернулась, и её лицо пошло пятнами.

— Что вы сказали?

Я медленно подошла к окну, провела пальцем по подоконнику и продемонстрировала ей слой жирной, черной копоти.

— Я сказала: стоять. Записывайте назначения, любезная. Первое: горячая вода. Много воды. Второе: щелок, щетки и чистые тряпки. Третье: эту сухую икебану из углов вымести и сжечь. В этой комнате нарушены все мыслимые нормы санитарии.

— Да как вы... — экономка захлебнулась воздухом. — Вы здесь никто! Девчонка, которую привезли, чтобы...

— Чтобы она была герцогиней Де Вальде, — перебила я её ледяным тоном. — А вы — персонал. И если через полчаса здесь не будет горячей воды, я лично проверю ваши счета на предмет воровства. У экономок с таким гонором обычно всегда проблемы с арифметикой.

Она побледнела. Попала в точку. Старая врачебная привычка — видеть патологию с первого взгляда. Мадам Гритт вылетела из комнаты, хлопая дверью так, что посыпалась штукатурка.

Я выдохнула и присела на край кровати. Матрас был жестким и пах плесенью.

«Ничего, Нина, — подбодрила я себя. — Госпиталь и не в таких условиях разворачивали».

Дверь распахнулась без стука через десять минут. Я думала, это слуги с водой, но на пороге стоял Себастьян.

Он все еще был в дорожном плаще. Лицо осунулось, под глазами залегли тени цвета перезрелой сливы. Он тяжело дышал, прижав одну руку к рукояти меча, а другую — чуть выше солнечного сплетения. Стенокардия. Классика. Его буквально «давило» изнутри, но он упорно строил из себя властного хищника.

Себастьян шагнул в комнату, нависая надо мной. От него веяло холодом и опасностью.

— Ты решила начать с того, что строишь моих слуг, Элара? — прохрипел он. — Не забывайся. Ты здесь по моей милости. И завтра ты исполнишь свой долг.

Он склонился к моему лицу, пытаясь подавить волей, запугать. Но я не была восемнадцатилетней напуганной девочкой. Я была хирургом, который видел смерть столько раз, что она стала для меня просто занудной соседкой.

Я не отодвинулась. Наоборот, я подалась вперед и демонстративно принялась сморщив нос.

— Милорд, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Я понимаю, что в этом благородном собрании гигиена не в чести. Но от вашей лошади пахнет лучше, чем от вашей мантии.

Прежде чем вы решите продолжить этот вдохновляющий монолог, извольте соблюдать дистанцию. Минимум полтора метра.

Себастьян замер. Его глаза расширились от шока.

— Что?..

— У вас одышка, бледность и явные проблемы с самообладанием, что крайне вредно для вашего сердца, — продолжила я, поднимаясь с кровати. — Поэтому распорядитесь насчет ванны. Для нас обоих. И пока вы не отмоетесь от дорожной пыли и этого... амбре, к моей постели не приближайтесь. Это медицинская рекомендация.

Герцог Де Вальде стоял посреди комнаты, хлопая глазами, как провинившийся интерн. Впервые в жизни его не боялись. Его осматривали.

— Пошел вон, — добавила я, указывая на дверь. — И закройте за собой — здесь сквозняк, а у вас и так губы синеют.

Он вышел. Молча. Кажется, Себастьян Де Вальде только что осознал, что купил не только мельничную дочку, но и очень большую проблему. А я подошла к зеркалу и подмигнула своему молодому отражению.

Началась реанимация.

Глава 3(Себастьян)

(от лица Себастьяна)

Дверь захлопнулась, отсекая меня от этой странной девчонки, и эхо удара еще долго гуляло по каменному коридору, насмехаясь над моим бешенством. Я стоял, сжимая рукоять меча так, что пальцы онемели, и пытался заставить свои легкие работать.

Железный обруч, сковавший грудную клетку еще в соборе, затянулся до предела. Воздух входил внутрь мелкими, колючими глотками. В висках стучало: «От вашей лошади пахнет лучше... Соблюдайте дистанцию...»

Девчонка. Нищая мельникова дочка, которую отец отдал мне за долги, как мешок прелого зерна. Она должна была дрожать, жаться к стене и молить о пощаде. А вместо этого она смотрела на меня так, словно я был не верховным герцогом Севера, а каким-то... недоразумением. Грязным, больным недоразумением.

— Милорд? — из тени выступил капитан гвардии Бертран. — Вам плохо? Лицо совсем белое.

Я вскинул руку, обрывая его заботу. Боль в груди начала медленно отступать, сменяясь глухим, тупым жжением.

— Коня, — прохрипел я. — Едем в город. К леди Луизе.

Мне нужно было смыть это ощущение. Нужно было снова почувствовать себя хозяином, мужчиной, перед которым заискивают. Луиза поймет. Луиза встретит меня вином, шелками и привычным, сладким обожанием. А эта строптивая кобылка пусть сидит в своей пыльной комнате и ждет. Я научу ее покорности. Завтра. Когда она поймет, что в этом замке у нее нет ничего, кроме моей милости.

Дом Луизы встретил меня привычным дурманом. Здесь всегда пахло одинаково: тяжелым мускусом, пудрой, приторным южным вином и воском сотен свечей. Луиза выплыла навстречу — изящная, гибкая, в платье из тончайшего шелка, которое не скрывало, а лишь подчеркивало ее зрелую прелесть.

— Себастьян, любовь моя... — она обвила мою шею руками, и я привычно притянул ее к себе. — Так поздно? Я думала, ты сегодня занят своей новой... приобретением.

Она тихо рассмеялась, и этот смех, обычно казавшийся мне серебристым звоном, вдруг полоснул по ушам, как скрежет металла по камню.

— Вина, — бросил я, усаживаясь в глубокое кресло.

Луиза порхала вокруг. Наполнила кубок, присела у моих ног, положив голову мне на колено. Все было как всегда. Но стоило ей коснуться моей руки, как в мозгу всплыл ледяной голос Эллары: «Распорядитесь насчет ванны... Соблюдайте дистанцию».

Я посмотрел на Луизу сверху вниз. Свет свечей играл на ее плечах, но сейчас я почему-то видел не нежную кожу, а слой белил, забившихся в мелкие складки. Я заметил темную каемку под ее ухоженными ногтями. Заметил, как от ее тяжелых духов, перемешанных с запахом пота, у меня начинает щипать в носу.

Амбре. Она сказала — амбре.

— Ты не пьешь, милорд? — Луиза подняла на меня свои огромные карие глаза. — Что-то случилось в соборе? Эта девчонка... она была груба?

— Она была странной, — ответил я, сам удивляясь тому, что обсуждаю жену с любовницей. — Она... другая, Луиза.

— О, я представляю, — Луиза фыркнула, потираясь щекой о мое бедро. — Запах муки и простоты. Себастьян, ты слишком благороден. Тебе стоило оставить ее на конюшне, а не везти в замок. Позволь мне помочь тебе забыть об этом дне.

Она потянулась к моей шее, ее губы коснулись моей щеки, и я внезапно... отпрянул.

В груди снова екнуло. Не от боли, а от внезапного, острого приступа брезгливости. Перед глазами стояла Элара — прямая, спокойная, с глазами, в которых светился разум такой силы и холода, что он казался почти осязаемым. Она смотрела на меня не как женщина на мужчину. Она смотрела на меня как на... пациента?

— Уходи, — сказал я, поднимаясь.

— Что? Себастьян? — Луиза замерла, ее лицо исказилось от недоумения. — Но я...

— Я сказал — уходи! — рявкнул я так, что пламя свечей дрогнуло. — Позови моих людей. Я возвращаюсь в замок.

Вино в кубке осталось нетронутым. Я вылетел из дома Луизы, чувствуя себя так, словно меня вывалили в нечистотах. Слова девчонки, которые я счел оскорблением, вдруг превратились в липкое осознание правды. Здесь, в этом доме, все было пропитано гнилью под маской золота.

Замок Де Вальде встретил меня тишиной глубокой ночи. Слуги спали, лишь редкие факелы трещали в коридорах. Я шел к покоям Элара, чеканя шаг. Гнев вернулся, но теперь он был другим — холодным и расчетливым. Она выставила меня дураком. Она заставила меня сомневаться в себе. Что ж, сейчас я возьму свое по праву мужа, и посмотрим, как она заговорит тогда.

Я толкнул тяжелую дубовую дверь. Она не была заперта — Элара не пыталась спрятаться, и это разозлило меня еще сильнее.

В комнате было светло. И... непривычно. Сквозняк, который всегда гулял здесь, почему-то исчез. Окно было плотно закрыто, а камин вычищен и жарко пылал. Пахло не сыростью, а какими-то горькими травами и... чистотой. Странной, почти пугающей чистотой, от которой першило в горле.

Элара не спала.

Она сидела в кресле у огня, накинув на плечи плотный халат. На коленях у нее лежал тяжелый фолиант из моей личной библиотеки — один из тех, что веками пылились на полках. Она даже не вздрогнула, когда я вошел. Просто медленно перевернула страницу и только потом подняла голову.

Ее взгляд... Боги, этот взгляд. В нем не было ни капли страха. Только усталое терпение, с которым смотрят на бродячего пса, решившего забрести в парадную залу.

— Вы поздно, милорд, — сказала она. Голос был спокойным, ровным, без единой дрожащей нотки. — И, судя по запаху, мой совет насчет дистанции вы проигнорировали.

Я замер на полпути к ней.

— Ты... Ты как смеешь так разговаривать со своим господином? — я рванул ворот камзола, чувствуя, что мне снова не хватает воздуха. — Я купил тебя, девчонка! Ты — моя собственность. И сейчас я...

— И сейчас вы либо упадете с приступом, либо пойдете мыться, — перебила она меня.

Она поднялась. В ее движениях была такая уверенная грация, какой не могло быть у дочери мельника. Она подошла ко мне вплотную — я даже не успел среагировать — и, прежде чем я успел ее оттолкнуть, приложила два пальца к моей шее.

Холодные. Ее пальцы были ледяными и сухими.

— Пульс за сотню, аритмия, одышка, — констатировала она, глядя мне прямо в глаза. — Себастьян, вы ведете себя как самоубийца. Вы только что вернулись от женщины, которая не знает, что такое мыло и чистые простыни. На вас чужой пот, чужие выделения и микробы... вернее, гниль, которую вы притащили в этот дом.

— Какие еще... микробы? — я попытался перехватить ее руку, но она легко увернулась. — О чем ты несешь, ведьма?

— Я говорю о вещах, которые убивают вас быстрее, чем меч врага, — она сложила руки на груди. — В каждой капле пота, в каждой грязной тряпке живут невидимые глазу хвори. Они проникают в кровь, они вызывают жар и гниение плоти. Вы спите с кем попало, а потом удивляетесь, почему мужчины вашего рода не доживают до сорока. Хотите наследника? Я не намерена производить на свет больное потомство только потому, что мой муж не в состоянии соблюдать элементарные правила чистоты.

Я стоял, ошарашенный этим потоком слов. Она говорила уверенно, как ученый муж в академии, но ее слова были куда страшнее любых заумных трактатов. Гниль. Невидимые хвори. Внезапно я вспомнил своего отца, который умер в тридцать восемь, захлебываясь кашлем и покрываясь странными пятнами. Вспомнил брата...

— Что ты хочешь? — выдавил я.

— Я хочу, чтобы мой муж был здоров, — отрезала она. — И чтобы от него не разлило любовницей за версту. За дверью стоят слуги с горячей водой. Я распорядилась подготовить лохань. Вы пойдете туда, вымоетесь щелоком и смените белье. Либо вы спите на этой кушетке. Один.

Она указала на узкую, жесткую лавку у стены.

Я — герцог Себастьян де Вальде. Я вел армии в бой. Я казнил мятежников. И сейчас я стоял перед девчонкой, которая командовала мной, как нерадивым слугой. Мое мужское эго выло от унижения, но... в глубине души, там, где таился вечный страх перед ранней смертью, что-то дрогнуло.

Я посмотрел на нее. Она ждала. Спокойная, уверенная в своей правоте.

— Бертран! — рявкнул я, поворачиваясь к двери. — Воду! Живо!

Стоять в лохани, пока слуги обливают тебя кипятком и трут жесткой мочалкой, было унижительно. Но еще унижительнее было чувствовать на себе взгляд Элара. Она не ушла. Она сидела в кресле, прихлебывая какой-то травяной отвар, и время от времени подавала команды:

— Трите сильнее. Между лопаток тоже. И голову... голову дважды.

Я чувствовал себя полным идиотом. Но странное дело — по мере того, как горячая вода смывала с меня дорожную пыль и запах духов Луизы, обруч в груди начал ослабевать. Дышать стало легче. Или мне это просто казалось?

Когда я, наконец, выбрался из воды и облачился в чистую сорочку, Элара кивнула.

— Уже лучше. Цвет лица стал чуть менее землистым. Ложитесь.

Она указала на постель. Огромная кровать с балдахином, которая обычно была местом моей власти, теперь казалась... операционным столом? Боги, о чем я только думаю!

Я лег, чувствуя, как прохладная ткань простыней касается кожи. Элара задула лишние свечи и легла рядом. Но не прижалась ко мне, как я ожидал. Она осталась на своей половине, сохраняя дистанцию.

— Ну? — я повернулся к ней, пытаясь вернуть себе инициативу. — Ты получила, что хотела. Я чист. Теперь я могу...

— Можете, — она повернулась ко мне, и в полумраке ее глаза казались огромными и темными. — Только без лишних усилий, Себастьян. Ваше сердце сегодня и так получило слишком большую нагрузку.

Это была самая странная близость в моей жизни.

Я хотел доказать ей, что я здесь хозяин. Я хотел подчинить ее, заставить стонать от страсти или хотя бы от покорности. Но Элара... она не сопротивлялась. Она принимала мои ласки с каким-то отстраненным любопытством.

В самые интимные моменты, когда я чувствовал, что теряю контроль, что кровь стучит в ушах, а дыхание становится рваным, я чувствовал ее пальцы на своей шее. Она не обнимала меня. Она... считала пульс.

Ее взгляд следил за мной. Она отмечала каждую мою гримасу, каждое движение, будто проводила эксперимент. Я видел, как она хмурится, когда я начинал задыхаться, и как ее губы шевелятся, что-то подсчитывая.

— Все, — сказала она, когда я, окончательно обессиленный, рухнул на подушки. — Достаточно. Больше не надо, иначе у вас начнется приступ.

Я лежал, глядя в потолок, и чувствовал себя... опустошенным. Не в том смысле, в каком чувствует себя мужчина после хорошей ночи. Я чувствовал себя пациентом, которому только что провели неприятную, но необходимую процедуру.

Элара спокойно поднялась, поправила сорочку и натянула одеяло до самого подбородка.

— Выносливость — три из десяти, — негромко произнесла она, закрывая глаза. — Одышка патологическая. Завтра начнем диету и прогулки. Спите, милорд. Вам нужно восстановиться.

Я хотел возмутиться. Хотел закричать, что я — лучший воин королевства. Но усталость навалилась такая тяжелая, что я не смог даже пошевелить рукой. Последнее, что я запомнил перед тем, как провалиться в глубокий, без сновидений сон — это мерное, спокойное дыхание женщины рядом.

Женщины, которая только что поставила мне диагноз и приговорила к жизни по ее правилам.

Утро началось не с солнечного света, а со стука в дверь. Я открыл глаза, чувствуя привычную легкость в голове. Грудь не болела — впервые за многие месяцы.

Элары рядом не было. Ее половина постели была аккуратно заправлена.

Я сел, оглядываясь. На столе стоял стакан воды и лежала записка. Почерк был странным — буквы ровные, четкие, почти печатные. Совсем не похожие на те каракули, которые обычно выводили благородные дамы.

«Милорд, я ушла инспектировать кухню. Воду из стакана выпить — там настой трав для укрепления стенок сосудов. Завтрак будет подан через полчаса: никаких жирных колбас и жареного мяса. Только каша и яйца.

P.S. Постарайтесь не нервничать. Это вызывает спазм».

Я сжал записку в кулаке. Она инспектирует кухню? Мою кухню?

Я должен был быть в ярости. Я должен был немедленно пойти туда и показать этой выскочке, кто здесь хозяин.

Но вместо этого я взял стакан и... выпил его до дна. Горько. Но почему-то мне казалось, что эта горечь — самое правильное, что случилось со мной за последние годы.

В замок Де Вальде пришла новая хозяйка. И, кажется, старые порядки здесь больше не действуют.

Глава 4

Пробуждение было похоже на выход из глубокого наркоза: сначала возвращаются запахи, потом звуки, и лишь в последнюю очередь — осознание собственного «я».

Я открыла глаза, когда небо за узким окном только начало окрашиваться в цвет застиранной серой простыни. Первым порывом было нащупать на тумбочке очки и пузырек с каплями для сердца. Рука привычно потянулась вправо... и наткнулась на холодную пустоту резного дерева.

Я резко села. Ожидаемого прострела в пояснице не случилось. Тело не закрипело, не отозвалось тупой, ноющей болью в коленях, ставшей моей спутницей последние тридцать лет. Наоборот — мышцы были как натянутые струны, гибкие и послушные.

Я уставилась на свои руки, едва видимые в предрассветных сумерках. Узкие ладони, длинные, ровные пальцы. Никаких узлов артрита, никакой пергаментной кожи, просвечивающей синими венами.

— Значит, не сон, — прошептала я. Голос был чистым, без старческой сипоты. — Не предсмертный бред.

Я медленно опустила ноги на пол. Холод камня обжег ступни, и эта резкая, живая боль стала окончательным подтверждением. Бог — или какая-то неведомая сила, обладающая специфическим чувством юмора — вытряхнул меня из изношенного девяностолетнего скафандра и втиснул в этот новенький, восемнадцатилетний.

Зачем? Для чего мне этот аванс?

Я подошла к тяжелому, мутному зеркалу в углу. Из глубины на меня смотрела девушка удивительной, почти хрупкой красоты. Золотистые волосы разметались по плечам, огромные глаза... Но взгляд в них был моим. Взгляд человека, который видел слишком много смертей, чтобы бояться жизни.

Я попыталась нащупать в сознании ту, прежнюю Элору. В ответ из темных углов памяти поднялась лишь липкая, серая муть. Страх перед нищетой, вечно виноватый взгляд отца-мельника, холодный собор... Несчастливая, прозрачная девочка. Она не умерла, нет. Она просто... закончилась. Сдалась, когда давление этого мира стало невыносимым, и я, умиравшая в своей постели в 2022-м, просто втянулась в образовавшийся вакуум.

— Поживем, девочка, — пообещала я отражению. — Раз уж мне дали твои ноги, я научу их ходить твердо.

Времени на рефлексии не было. Врачебный инстинкт, вбитый в подкорку десятилетиями практики, требовал действий. Раз я здесь — значит, это мой участок. А мой участок должен быть чистым.

Я быстро привела себя в порядок, преодолевая брезгливость при виде общего кувшина для умывания. Переделалась в платье — тяжелое, с идиотскими завязками, которые пришлось рвать зубами, — и написала записку. «Милорд, я ушла инспектировать кухню. Воду из стакана выпить — там настой трав для укрепления стенок сосудов. Завтрак будет подан через полчаса: никаких жирных колбас и жареного мяса. Только каша и яйца.

P.S. Постарайтесь не нервничать. Это вызывает спазм».....

Замок Де Вальде при дневном свете оказался еще более запущенным «стационаром», чем мне показалось вчера. Гнилые гобелены, пыль, висящая в воздухе плотными пластами, и этот неистребимый запах плесени.

Кухня встретила меня адским пеклом и ароматом, от которого у любого санврача случился бы инфаркт.

Огромный повар, похожий на небритый боров в грязном фартуке, рубил тушу прямо на засаленной столешнице. Мухи — жирные, ленивые, — устраивали пиршество на кусках мяса. Повар периодически вытирал нож о штаны, а потом той же рукой лез в чан с похлебкой.

— Всем замереть! — скомандовала я, входя в центр этого гадюшника.

Голос прозвучал как выстрел. Повар замер с занесенным топором, поварята у печи выронили плошки.

— Ты кто такая, милочка? — пробасил повар, оглядывая меня с головы до ног. — Иди в залу, рано еще для завтрака.

Я подошла к столу, кончиками пальцев приподняла кусок говядины. Слизкий. Специфический душок уже пошел.

— Это мясо — псам. Или в яму, — отрезала я. — Эту столешницу — выскоблить щелоком добела. Ножи — прокипятить.

Повар заржал, выставя гнилые зубы.

— Ишь, хозяйка нашлась! Мы тут испокон веков так готовим, и герцог не жаловался...

— Герцог не жаловался, потому что медленно умирает от того, чем ты его кормишь, — я шагнула к нему вплотную. Девушка перед горой мяса, но я смотрела на него так, как смотрела на штрафников в сорок втором. — Послушай меня, любезный. Я — герцогиня Де Вальде. И если через час здесь не будет стерильно, я прикажу конюхам высечь тебя прямо здесь, на твоём грязном столе. А потом проверю, сколько мяса ты списал налево за последний месяц.

Его смех оборвался. Шантаж — штука грязная, но в условиях антисанитарии — единственно эффективная. Повар побледнел, его маленькие глазки забегали.

— Воду кипятить! — чеканила я, поворачиваясь к замершей прислуге. — Руки мыть золой. Каждую плошку — в кипяток. Кто ослушается — вылетит из замка без рекомендаций.

В дверях возникла мадам Гритт. Лицо её было багровым.

— Миледи! Вы нарушаете уклад...

— Мадам Гритт, — я прервала её на полуслове. — Уклад, при котором в доме пахнет клоповником, а еду готовят на гнилых досках, называется не «традицией», а «уголовным преступлением». Занимайтесь своим делом. Найдите мне чистую ветошь, много ветоши. И распорядитесь насчет золы.

Оставив кухню в состоянии панического оцепенения, я направилась дальше. Мне нужны были инструменты. Хоть что-то, что в этом веке заменяло аптеку.

Я нашла это в кабинете герцога. Себастьяна там не было — видимо, мой «курс терапии» в постели подействовал, и он еще спал.

Кабинет пах кожей, табаком и... химией. Старой, дремучей химией.

Я подошла к полкам. Мой внутренний хирург взвыл от ужаса. Пыльные склянки, подписанные корявым почерком. Ртутные мази! Боже, они мазали его ртутью. Настойки на сурьме, порошок из сушеных гадюк, свинцовые примочки.

— Идиоты, — прошипела я. — Клинические идиоты.

Они не лечили его. Они медленно превращали его кровь в токсичный коктейль. Ртуть добивала почки, сурьма разъедала желудок, а его сердце... его бедное сердце просто не знало, от чего заходиться в аритмии — от болезни или от этих «снадобий».

Я распахнула тяжелое окно, выходящее во внутренний двор.

Первой в полет отправилась пузатая бутылка с «эликсиром бодрости». Звон разбитого стекла о камни прозвучал для меня как первый аккорд симфонии. Следом полетели банки с ртутной мазью. Плюх! Плюх!

Я работала методично. Очищала пространство от смерти, замаскированной под медицину. Сушеные лягушачьи лапки? В окно. Порошок из рога единорога (читай — копыта осла)? Туда же.

— Что здесь происходит?! — громовой рев Себастьяна заставил меня замереть с очередной склянкой в руках.

Он стоял в дверях — в одной сорочке, взлохмаченный, бледный, но в глазах полыхала ярость. Он смотрел на пустеющие полки, на осколки во дворе, и его грудь тяжело вздымалась.

— Элара! Это стоило целое состояние! Эти лекарства привезли из столицы, их составлял величайший алхимик!

Он шагнул ко мне, хватая за плечо. Хватка была жесткой, но рука его... рука дрожала.

Я не отвела взгляда. Я выпрямилась, чувствуя, как во мне просыпается та самая Нина Петровна, которая могла построить генерала за неправильно надетую маску.

— Это стоило вам не золота, Себастьян. Это стоит вашей жизни, идиот, — я хлестнула его словами, как скальпелем. — Ваши алхимики — шарлатаны. Вы пьете медленный яд и удивляетесь, почему у вас синеют губы. Эта дрянь убивает ваше сердце эффективнее, чем пуля.

Я кивнула на пустые полки.

— Либо в этом доме буду лечить я, либо заказывайте себе гроб прямо сейчас. Этот яд не лечит, он выжигает жизнь. Посмотрите на свои руки — они дрожат не от гнева, а от того, что Вы принимаете.!

Он замер. Его хватка на моем плече ослабла. Он смотрел на меня так, будто я заговорила на языке драконов, но в глубине его зрачков, за пеленой ярости, я увидела крохотный проблеск — не веры, нет, но инстинктивного узнавания силы.

— Я знаю, что я делаю, Себастьян — И я не позволю своему мужу совершать самоубийство под моим присмотром. Дышите, милорд. Глубоко и ровно. И прекратите орать — вы даете лишнюю нагрузку на миокард.

Я развернулась и вышла, оставив его среди пустых полок. У меня было еще много дел. Нужно было найти спирт. Много спирта. И начать вываривать ветошь. Операционная «Замок Де Вальде» открывалась сегодня.

Глава 5

К полудню замок Де Вальде начал приобретать черты если не стерильного бокса, то хотя бы приличного прифронтового лазарета. Воздух в коридорах, веками застаивавшийся и пахнувший псиной, наконец-то задвигался. Сквозняки, которых так боялась местная прислуга, стали моими главными союзниками: они выдували запах тления и сырости, освобождая место для терпкого аромата щелока и чистоты.

Я стояла в своей малой гостиной, которую уже успела мысленно окрестить «ординаторской». На дубовом столе, тщательно выскобленном песком и горячей водой, лежали стопки ветоши. Старое постельное белье, льняные рубахи — мадам Гритт принесла всё, что смогла найти в закромах.

— Вы уверены, миледи, что это нужно... варить? — экономка стояла у порога, поджав губы. В её глазах всё ещё плескалось недоумение, смешанное с тихим ужасом перед «безумной мельниковой дочкой».

— Не просто уверена, Гритт. Это вопрос выживания, — я не глядя отделила кусок грубого холста от тонкого льна. — Ткань должна быть не просто чистой, она должна быть мертвой. Никаких следов чужого пота, пыли или жира. В кипяток, на час. Потом сушить на солнце. Если увижу хоть одну нитку на полу — начнете всё сначала.

Гритт кивнула и попятилась. Она уже поняла, что спорить со мной — всё равно что пытаться остановить идущий на таран ледокол.

Я провела рукой по ткани. Тело Элара работало как часы: я не чувствовала усталости, хотя с рассвета не присела ни на минуту. Внутри меня всё ещё пел тот странный, лихорадочный восторг от возможности просто двигаться без боли. Девяностолетний разум Нины Петровны по привычке ждал подвоха от суставов, но суставы были смазаны молодостью.

Себастьян в мои дела больше не вмешивался. После утреннего погрома в его кабинете он ушел к себе, и я лишь изредка слышала его тяжелые шаги за стеной. Пусть. Пациенту нужен покой и время, чтобы переварить информацию. А мне нужно было подготовить перевязочный материал. В этом мире, где любую царапину лечили прикладыванием навоза, чистая тряпка могла стать ценнее золота.

Инспекцию прервал шум во дворе. Ржание коней, звонкие выкрики и какой-то суетливый, неуместный здесь пафос.

— Миледи! — Гритт влетела в комнату, на ходу поправляя чепец. — К нам... к нам леди Луиза! Она желает засвидетельствовать почтение молодой герцогине.

Я медленно положила ножницы на стол. Луиза(я уже знала,кто она такая)Та самая дама, чей мускус я вчера соскребала со своего мужа.

— Засвидетельствовать, значит? — я усмехнулась, расправляя складки платья. — Ну что ж, приемный покой открыт. Зови.

Леди Луиза не вошла — она всплыла, словно богато украшенный фрегат в тихую гавань. Шелк её платья цвета спелой вишни шуршал так громко, что перекрывал звуки шагов. Высокая прическа, усыпанная мелким жемчугом, слой белил, за которыми скрывалось лицо, и этот невыносимый, удушливый аромат. Мускус, роза и что-то приторно-сладкое, от чего у меня мгновенно запершило в горле.

Для нее замок был декорацией, а я — случайной помехой.

— О, дорогая Элара! — она всплеснула руками, унизанными кольцами. Голос был паточным, тягучим. — Я просто обязана была приехать. Себастьян так внезапно женился... Мы все в таком восторге. И в таком... беспокойстве.

Она обвела комнату взглядом, и её носик брезгливо сморщился, когда она заметила стопки льна на столе.

— Боже, что это? Вы сами занимаетесь бельем? Себастьян, верно, совсем забросил замок, раз его супруге приходится исполнять работу прачки.

Я не стала делать реверанс. Вместо этого я села в кресло, указав ей на стул напротив — тот самый, на котором лежала кучка не самой чистой ветоши.

— Работа прачки — это стирка. Моя работа — дезинфекция, — спокойно ответила я, глядя ей прямо в глаза. — Присаживайтесь, Луиза. У вас, я вижу, выдался трудный день?

Луиза замерла, не донеся руку до спинки стула. Мой тон — тон опытного заведующего на пятиминутке — явно не вписывался в её сценарий. Она ждала смущения, слез или, на худой конец, попытки похвастаться титулом.

— Де... что? — она переспросила, аккуратно присаживаясь на самый край. — Какие странные слова вы используете, милочка. Впрочем, неудивительно. Мельница, пыль... Себастьян всегда говорил, что простота — это ваше главное достоинство.

Она улыбнулась, и я увидела, как в уголках её глаз собрались мелкие морщинки, густо присыпанные пудрой.

— Мы так близки с герцогом, вы даже не представляете, — Луиза наклонилась вперед, понизив голос до интимного шепота. — Он так привык к моему уходу, к моим советам. Вчера вечером он был так... расстроен. Бедняжка, ему так трудно привыкать к новым лицам в спальне. Он всегда говорит, что я — единственная, кто знает, как успокоить его сердце.

Я слушала её с вежливым, почти академическим интересом. Внутри не шелхнулось ни одной струны ревности. Вместо этого в голове включился автоматический режим диагностики.

Так, что мы имеем?

Блеск в глазах — не от страсти, а от легкого экзофтальма. Тремор кончиков пальцев, когда она поправляет веер. Слишком высокая скорость речи и эта нервная манера облизывать губы.

— Расскажите подробнее, — мягко произнесла я, подаваясь вперед. — Как именно вы успокаиваете его сердце? Это крайне важно для его анамнеза.

Луиза на мгновение запнулась. Мое спокойствие явно выбивало её из колеи. Она-то рассчитывала, что я сейчас начну вцепляться ей в волосы или хотя бы побледнею.

— Ну... — она кокетливо поправила вырез платья. — У нас есть свои маленькие секреты. Себастьян очень горячий мужчина. Он любит внимание. Любит, когда ему чешут спинку... долго-долго. Он не выносит грубости и этих ваших... требований чистоты. Бедный лорд так страдает от ваших странностей. Он прибежал ко мне вчера ночью просто за глотком свежего воздуха.

— За глотком мускуса и пота, вы хотели сказать? — я улыбнулась самой доброй из своих врачебных улыбок. — Понимаю. Мужчины в его состоянии часто ищут привычные раздражители. Это как вредная привычка, вроде курения махорки. Знаете, Луиза, я ведь ... я очень хорошо понимаю, как устроены сердца. Особенно такие изношенные, как у Себастьяна.

Я поднялась и медленно обошла её стул. Луиза напряглась, её спина стала прямой, как шомпол.

— Вы очень красивая женщина, — продолжила я, останавливаясь у неё за спиной. — Но красота — вещь обманчивая. Посмотрите на свои руки. Нет-нет, не на кольца. На кожу.

Я резко взяла её за запястье. Луиза вскрикнула, попыталась вырваться, но я перехватила её руку профессиональным захватом, фиксируя пульс.

Тахикардия. И мелкая дрожь.

— Пульс зашкаливает, — констатировала я, игнорируя её возмущение. — И этот тремор. Милочка, у вас явные проблемы со щитовидной железой. Отсюда и ваша излишняя эмоциональность, и эта суетливость. Вам бы провериться у хорошего лекаря, а не по чужим мужьям

бегать. Гормоны — штука коварная, они превращают женщину в истеричку быстрее, чем старость.

— Да как вы смеете! — Луиза вскочила, её лицо, покрытое слоем белил, стало напоминать треснувшую маску. — Вы... вы просто неотесанная девка! Вы завидуете мне! Себастьян никогда не полюбит вас, вы для него просто инструмент для получения наследника!

— Возможно, — я спокойно отпустила её руку и вернулась к столу. — Но инструмент должен быть стерильным. А вот вы, Луиза, представляете собой биологическую угрозу.

Я посмотрела ей прямо в лицо, фиксируя маленькое красное пятнышко в углу её губ, которое она пыталась замаскировать толстым слоем мази.

— И кстати, передайте герцогу, когда он в следующий раз решит «успокоить сердце» в вашей спальне, чтобы он предохранялся. У вас герпес на губе. Очень неприятная штука, знаете ли. Легко переносится, трудно лечится. В его состоянии лишняя вирусная нагрузка — это прямой путь к осложнениям на миокард.

Луиза открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова. Её грудь бурно вздымалась, зрачки расширились — типичный адреналиновый криз.

— Что вы стоите? — я удивленно подняла бровь. — Наша консультация окончена. Идите, милочка. И купите себе мазь на основе чистотела. Хотя в вашем случае лучше просто меньше нервничать и больше мыться.

Луиза развернулась и, не разбирая дороги, бросилась к двери. Она зацепилась подолом за косяк, раздался треск дорогого шелка, но она даже не обернулась. Её истеричный всхлип еще долго разносился по коридору, затихая где-то в районе лестницы.

Я вздохнула и подошла к тазу с водой, в которую был добавлен уксус. Тщательно вымыла руки.

— Гритт! — крикнула я в коридор.

Экономка появилась мгновенно. Она выглядела так, будто увидела привидение. Видимо, подслушивала за дверью.

— Проветрить здесь еще раз, — скомандовала я. — Запах этой женщины... он оседает на стенах. И велите принести мне горячего чаю. Только проследите, чтобы воду кипятили не меньше десяти минут.

Я снова взяла ножницы.

«Девяносто лет, Нина Петровна, — подумала я про себя, аккуратно разрезая холст на равные полосы. — И ничего не меняется. Мужчины, любовницы, интриги... А лечить всё равно приходится всех».

Герпес у Луизы был настоящим. Но её щитовидка беспокоила меня куда больше — если она начнет плести заговоры в состоянии гормонального всплеска, это будет опаснее любой болезни. Впрочем, сейчас у меня была задача поважнее.

Я должна была подготовить замок к настоящему бою. И судя по тому, как тяжело дышал Себастьян, проходя мимо моих дверей часом позже, этот бой был ближе, чем я думала.

Вечером Себастьян не пришел к ужину. Мне передали, что он «занят делами». Ну что ж, типичная реакция мужчины, чье эго только что переехали танком. Я спокойно поужинала кашей на воде и запеченным яблоком — повару всё же пришлось подчиниться моему меню.

Перед сном я снова зашла в его кабинет. Там было пусто. Пахло пылью и остатками тех ядов, что я выбросила утром.

Я провела рукой по пустой полке.

— Берегите сердце, милорд, — прошептала я в темноту. — Потому что, кроме меня, беречь его здесь некому.

В воротах замка снова застучали копыта. Но на этот раз это был не гость. Это был рок. Но об этом я узнаю только завтра утром. А пока — сон. Первое право врача после долгой смены.

Глава 6(Себастьян)

(от лица Себастьяна)

Я проснулся от того, что мне в лицо беспардонно тыкало солнце. Яркое, наглое, оно пробивалось сквозь распахнутые окна, выжигая остатки сна.

Первым делом я по привычке рванулся сесть, ожидая, что грудную клетку вот-вот сдавит раскаленным обручем, а в виски ударит тяжелый молот. Но обруч лишь слегка напомнил о себе тупым, ленивым покалыванием, а голова была пугающе легкой. Будто кто-то выгреб из нее серый туман, в котором я жил последние месяцы.

Я замер, прислушиваясь к себе. Странно.

Моя спальня изменилась. Тяжелые, пыльные портьеры, расшитые гербами де Вальде, были бесцеремонно стянуты в стороны и подвязаны какими-то простыми шнурами. Исчез густой, липкий запах воска, старого камня и тех самых снадобий, что варил мне мэтр Гроу. Вместо них комнату наполнял аромат свежескошенной травы и чего-то горьковатого, аптечного.

— Бертран! — гаркнул я, сбрасывая одеяло.

Голос прозвучал звонче, чем вчера. Капитан гвардии ввалился в комнату мгновенно, но вид у него был такой, словно он всю ночь провел в дозоре на болотах.

— Где мои лекарства? И почему окна открыты? Ты хочешь, чтобы я замерз в собственной постели?

— Миледи распорядилась, ваша светлость, — Бертран преданно вытянулся во фрунт, но глаза его бегали. — Она сказала, что «застойный воздух — союзник гробовщика». И мази ваши... того. Выбросила она их.

Я сжал зули. Мази. Те самые, за которые я платил золотом, чтобы не сдохнуть раньше срока. Эта девчонка, эта... хирург самоучка, или кем она там себя возомнила, за одни сутки перевернула мой замок вверх дном.

— Подай одежду. И вели нести завтрак. Вепрь вчерашний остался? С густой подливкой и перцем?

Бертран замялся, переминаясь с ноги на ногу.

— Ваша светлость... повар сказал... Миледи зашла на кухню еще до рассвета. Сказала, что если она увидит на вашем столе хоть каплю жира, она лично выльет кипяток повару за шиворот.

Я застыл с одной ногой в штанине.

— И что же мне теперь, святым духом питаться?

— Каша, ваша светлость. Овсяная. На воде. С капелькой меда. Она сказала, что ваше сердце — не топка для мусора, а... — Бертран покраснел, — ...чувствительный механизм, который вы забили нагаром.

Я сел на кровать. Ярость вскипала медленно, как смола в котле. Моя власть в Де Вальде всегда была абсолютной. Слово герцога — закон. А теперь какая-то нищая девчонка, которую я купил, чтобы спасти её отца от долговой ямы, диктует мне, что есть и чем дышать?

Столовая встретила меня непривычной пустотой и запахом чистоты. На столе действительно стояла миска с сероватым варевом. Я посмотрел на нее так, словно в ней плаваладохлая крыса.

— Ешьте, Себастьян. Это полезнее, чем ваши попытки забить сосуды холестерином.

Она стояла у окна, залитая светом. Элара. Моя жена.

На ней было простое платье, рукава закатаны выше локтей. Волосы убраны под тугую сетку. Она не выглядела как герцогиня. Она выглядела как работница мануфактуры, но в её

осанке было столько достоинства и какого-то холодного превосходства, что я невольно выпрямил спину.

— Ты переходишь границы, Элара, — я сел за стол, демонстративно отодвинув кашу. — Я — твой муж. Твой лорд. Ты не имеешь права командовать моими слугами.

— У вас губы сегодня розовые, а не синие, — спокойно заметила она, даже не оборачиваясь. — Это потому, что я выбросила вашу ртутную мазь. Ртуть убивает почки, Себастьян. А когда почки сдаются, сердце начинает захлебываться в собственной крови. Вы этого хотите? Чтобы я через месяц заказала вам красивый саркофаг?

Она повернулась. Взгляд её был прямым и сухим. Ни капли страха. Ни тени почтения. Только профессиональный интерес, с которым мясник осматривает тушу.

— Я хочу есть нормальную еду! — я ударил кулаком по столу. — И я хочу, чтобы в моем замке пахло благовониями, а не твоим щелоком!

— Тогда ешьте, — она кивнула на миску. — Идите против моих правил. Пейте свое красное вино, ешьте жирного вепря, мажьтесь ртутью. Я не буду спорить. Я просто постою рядом и зафиксирую, как у вас начнется отек легких. Это очень неприятная смерть, Себастьян. Вы будете хватать ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, но легкие не смогут его принять.

Я сглотнул. Картинка, которую она нарисовала, была слишком живой. Слишком похожей на то, что я чувствовал в свои худшие ночи.

— Откуда... откуда ты всё это знаешь? — выдавил я, невольно беря ложку. — Твой отец — мельник. Ты должна уметь печь хлеб и доить коров, а не рассуждать о сосудах.

Элара чуть прищурилась. На мгновение мне показалось, что на её юном лице проступила маска глубокого, векового опыта. Будто на меня смотрела не девчонка, а древний старик, умудренный тысячами смертей.

— У каждого свои секреты, милорд. Мой секрет в том, что я ценю жизнь больше, чем традиции. Ешьте кашу. И не забудьте выпить отвар, который я оставила в кабинете. Это поможет снять отек.

Она развернулась и вышла из столовой своим странным, быстрым шагом, оставив меня наедине с овсянкой. Я съел ложку. Гадость. Вторая пошла легче. После третьей я с удивлением заметил, что в животе не началось привычное бурление и тяжесть.

Весь день я пытался найти её. Я бродил по замку, натываясь на слуг, которые под её началом оттирали стены и кипятили белье. Замок гудел, как потревоженный улей. Элара оккупировала старую кладовую в южной башне.

Я нашел её там. Дверь была распахнута. Внутри вовсю кипел чан, над которым поднимался густой пар. Элара, в грубом кожаном фартуке поверх платья, сосредоточенно разрезала полоски льна. Рядом на столе лежали странные конструкции: многослойные маски с завязками, какие-то мешочки с горько пахнущими травами.

Она меня не заметила. Или сделала вид.

Я стоял в дверях, наблюдая, как ловко и уверенно двигаются её руки. Она работала ритмично, без лишних движений. Так работают мастера своего дела, отточившие каждый жест до автоматизма.

— Что это? — я указал на стопки льна.

— Перевязочный материал, — не оборачиваясь, ответила она. — На случай, если кто-то в этом замке решит пораниться. Или если ваше сердце решит, что ему надоело биться.

Я усмехнулся, хотя внутри всё сжалось.

— Ты готовишься к моей смерти с таким усердием, что это начинает настораживать. Не боишься, что я сочту это заговором?

— Смерть — это не заговор, Себастьян. Смерть — это естественный финал плохой гигиены и игнорирования симптомов, — она наконец отложила ножницы и посмотрела на меня.

Я решил, что пора сменить тактику. Хватит с меня этого медицинского диктата. Мне нужно было вернуть её в реальность. В мою реальность, где женщины борются за мой взгляд, а не за чистоту моих сосудов.

— Через неделю состоится бал у графа Риверсдорфа, — я непринужденно прислонился к косяку, стараясь выглядеть как подобает герцогу. — Это важное событие. Весь Север будет там. И Луиза... Луиза уже прислала письмо. Она заказала платье из самой столицы. Говорят, оно расшито настоящими рубинами. Она будет звездой вечера.

Я замолчал, ожидая реакции. Я ждал, что она вспыхнет. Что в её глазах мелькнет ревность, или хотя бы обида. Любая женщина на её месте — нищая мельникова дочка, ставшая герцогиней — должна была вцепиться в этот шанс заявить о себе, затмить любовницу мужа.

Элара продолжала смотреть на меня. Её лицо оставалось непроницаемым, как надгробная плита.

— Рубины — это очень красиво, — спокойно произнесла она. — Надеюсь, они не слишком тяжелые. Лишний вес на корсете затрудняет дыхание, а Луизе и так не хватает кислорода. Я опешил.

— И это всё? Тебе плевать, что я буду танцевать с ней? Что весь свет будет обсуждать нас?

— Себастьян, — она вздохнула и сделала шаг ко мне. — Подойдите ближе.

Я подчинился, сам не зная зачем. Она взяла мою руку. Нежно, не как жена, а как... захватчик. Её пальцы уверенно легли на мое запястье, чуть выше ладони. Я почувствовал их сухость и холод.

Она замолчала, глядя куда-то в пространство. Я видел, как её губы едва заметно шевелятся, отсчитывая ритм. Прошла минута. Другая. В комнате слышалось только бульканье чана и мое собственное дыхание, которое почему-то снова стало учащенным.

— Ритм сорван, — констатировала она, отпуская мою руку. — Аритмия усилилась. Ваше возбуждение от мысли о Луизе и бале крайне негативно сказывается на миокарде. У вас пульс сейчас — сто десять ударов в минуту. В покое. Это катастрофа.

— Хватит! — я вырвал руку. — Ты можешь хоть минуту не быть врачом? Я говорю о чести! О бале! О моей жене и моей любовнице!

— А я говорю о выживании, — она скрестила руки на груди. — Вы хотите ехать на бал? Хорошо. Мы поедем. Но запомните мои условия. Никакого красного вина — оно повышает давление. Никаких жирных закусок. И танцы... не больше одного медленного танца. Если вы решите сплясать джигу с Луизой, ваше сердце просто остановится прямо на паркете.

— Ты не смеешь мне запрещать!

— Я не запрещаю, Себастьян. Я предупреждаю, — она сделала шаг назад, возвращаясь к своему чану. — Поедем на бал. Наденьте свои лучшие ордена. Но если вы упадете в обморок посреди залы, я не буду плакать и рвать на себе волосы. Я буду стоять рядом и засекают время. Потому что реанимировать человека при таком скоплении народа и в таком душном помещении — задача почти невыполнимая.

Я смотрел на её прямую спину, на уверенные движения рук, и чувствовал, как во мне закипает странная смесь ярости и... восхищения. Она не ревновала. Ей было абсолютно всё равно, с кем я сплю и кого люблю. Для неё я был просто... клиническим случаем. Сложной задачей, которую она намерена была решить вопреки моему желанию.

Это унижало сильнее, чем любая измена. Но это же и привязывало меня к ней так, как не могла привязать ни одна страсть Луизы.

— Мы поедем на бал, Элара, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И ты будешь там герцогиней. Даже если тебе этого не хочется.

— Я всегда герцогиня, Себастьян, — ответила она, не оборачиваясь. — Даже когда варю деготь. Берегите сердце. Оно у вас сегодня слишком шумное.

Я вышел из кладовой, чувствуя, как внутри всё клокочет. Она видит меня насквозь. Она знает о моих слабостях больше, чем я сам. И самое страшное — я начал ей верить.

В коридоре я встретил Бертрانا.

— Ваша светлость? Прикажете седлать коней для прогулки?

Я посмотрел на него, потом на свои руки. Они почти не дрожали.

— Нет, Бертран. Принеси мне... того отвара, что стоит в кабинете. И вели повару готовить на ужин рыбу. На пару.

Я шел к себе, а в голове звучал её голос: «Я буду стоять рядом и засекать время».

«Ну уж нет, Элара, — подумал я. — Ты не дождешься моей смерти. Я заставлю тебя смотреть на меня как на мужчину, а не как на больной организм. Даже если мне придется ради этого пить твою гадкую овсянку до конца своих дней».

Но глубоко внутри я знал: она победила в этом раунде. Без единого выстрела. Просто проверив мой пульс.

Глава 7

Я как раз заканчивала сортировать льняные ленты, когда этот звук вспорол липкое марево послеобеденного затишья. Это не был просто крик. Так орет не человек, а само отчаяние, когда плоть рвется под напором железа или кости.

В моей прошлой жизни такие звуки означали только одно: приемный покой сейчас превратится в филиал ада. Девяностолетний опыт Нины Петровны среагировал быстрее, чем восемнадцатилетние чувства Эллары. Ноги сами вынесли меня из «лаборатории» еще до того, как я осознала, что именно произошло.

— Бинты! — гаркнула я в пустоту коридора, подхватив стопку вываренного холста. — Гритт! Горячую воду во двор! Живо!

Я неслась по лестнице, игнорируя тяжесть юбок, которые мешались под ногами. Во внутреннем дворе уже сгущалась толпа. Конюхи, прачки, пара гвардейцев — все стояли плотным кольцом, в центре которого билось и выло что-то кровавое.

Запах настиг меня первым. Резкий, железистый дух свежей крови, смешанный с вонью навоза и горячего конского пота. В центре круга на грязной соломе метался мальчишка-конюх, лет пятнадцати на вид. Его голень выглядела как неудачный натюрморт мясника: белая обломанная кость торчала наружу, а из развороченной раны ритмичными, злыми толчками билась алая кровь.

Артериальное кровотечение. С такой потерей у него осталось минут пять, не больше.

— Расступись! — я врзалась в толпу, орудуя локтями.

— Отойдите, миледи! Не девичье это дело! — чей-то голос попытался меня остановить, но я даже не обернулась.

В центре, прямо над пацаном, уже возился Мэтр Гроу. Наш местный светило медицины выглядел внушительно: пузатый, в засаленном кафтане, с бородой, в которой запутались крошки завтрака. В руках он держал горсть серого месива — смесь конского навоза с какой-то паутиной.

— Терпи, малый, — басил Гроу, занося руку над раной. — Сейчас бесов выгоним, молитву сотворим, и затянется...

— А ну пошел вон! — я рывкнула так, что Гроу отшатнулся, едва не сев в навоз.

— Миледи? — он вытаращился на меня. — Что вы... это же лечебная припарка! Нужно забить рану, чтобы духи...

— Ты сейчас забьешь ему в кровь сепсис и столбняк, идиот! — я не подбирала выражения. Времени на этикет не было. — Хочешь его убить? Уйди с дороги, пока я тебе этот навоз в глотку не затолкала!

Я рухнула на колени прямо в грязь, не жалея дорогой ткани платья. Первым делом — пережать. Я нащупала точку под коленом, впиваясь пальцами в плоть. Фонтан крови опал, сменившись ленивым подтеканием. Мальчишка захрипел, его глаза закатились.

— Спирт! — я обернулась к замершей толпе. — Самогон! Самый крепкий, какой есть в замке! Огонь! И иглу... швейную иглу, тонкую! И шелковую нить!

— Миледи, вы в своем уме? — Гроу опомнился и попытался схватить меня за плечо. — Нужно ампутировать! Нога мертва, кость сломана, только пила спасет...

Я развернулась к нему, и, кажется, в этот момент мой взгляд мог бы резать сталь. Девяносто лет в хирургии научили меня смотреть на дураков так, что они начинали сомневаться в собственном существовании.

— Слушай меня, коновал, — мой голос упал до ледяного шепота, который перекрыл стоны парня. — Если ты еще раз пикнешь под руку, я вскрою тебе брюшину и покажу, как выглядит твоя тупость изнутри. А теперь — спирт и огонь. Живо, твою мать! Пошел!

Мэтр Гроу икнул и попятился. Мои слова про «кишки» и «брюшину» прозвучали для него как черное заклинание. В этом мире женщина не могла знать таких слов. В этом мире женщина должна была падать в обморок от вида крови, а не командовать ею.

Бертран, капитан гвардии, оказался сообразительнее всех. Он притащил баклагу с мутной жидкостью и факел.

— Держи его за плечи, — скомандовала я Бертрону. — И ты, — я указала на какого-то конюха, — держи здоровую ногу. Если он дернется, мы все тут будем в его кишках.

Я зубами сорвала пробку с баклаги. Запах сивухи ударил в нос. Не спирт-ректификат, конечно, но сойдет. Я щедро плеснула на свои руки, чувствуя, как ссадины обжигает огнем. Потом — на рану. Мальчишка взвыл так, что у гвардейцев задрожали поджилки.

— Давление держу... — бормотала я себе под нос, входя в тот самый транс, который знаком каждому хирургу. Мир сузился до куска окровавленной плоти. — Кость... репозиция. Раз, два...

Я схватилась за обломок голени. Хруст сухой ветки — и кость встала на место. Парень обмяк, проваливаясь в болевой шок. Это было мне на руку. Наркоза здесь не предвиделось.

— Иглу, — я протянула руку.

Бертран вложил в мои пальцы тонкую иглу. Я прокалила ее на факеле докрасна, чувствуя, как жар лижет кожу. Нить — обычный шелк, вываренный мной утром. Не кетгут, не викрил, но это лучшее, что было под рукой.

Я начала шить. Мои пальцы, молодые и чуткие, двигались с пугающей точностью. Я находила края разорванного сосуда в месиве мышц, соединяя их крошечными стежками. В голове шел привычный отсчет: «Узел... еще один... держать натяжение...».

Вокруг стояла мертвая тишина. Даже Гроу замолк, глядя на мои руки с каким-то суеверным ужасом. Для них это было магией. Опасной, кровавой магией. Я не просто зашивала рану — я перекраивала живого человека, вторгаясь туда, куда позволено заглядывать только Богу и палачу.

Кровь пропитала мои рукава до локтей, подол платья превратился в тяжелую багровую тряпку. Лицо было забрызгано алыми каплями, но я не замечала этого. Я видела только, как сосуд срастается под моими пальцами, как перестает сочиться жизнь.

— Всё, — выдохнула я, затягивая последний узел на коже. — Теперь бинты. Плотно, но не перетяните.

Я подняла голову, пытаюсь размять затекшую шею, и мой взгляд невольно скользнул вверх. На балконе галереи, вцепившись в перила так, что побелели костяшки пальцев, стоял Себастьян.

Он смотрел на меня.

В его глазах не было восхищения. Там была оторопь. Он видел, как его «хрупкая жена», купленная для украшения стола, только что по локоть в крови копалась в чужом теле, выкрикивая команды, от которых седали опытные воины.

Я не отвела взгляда. Я вытерла лоб тыльной стороной ладони, размазывая кровь по щеке, и посмотрела на него в упор. Прямо сейчас я не была Эларой. Я была Ниной Петровной, которая только что отвоевала у смерти еще одну партию.

Себастьян медленно отступил в тень, но я успела заметить, как он судорожно сглотнул. Он боялся. Герцог, видевший сотни смертей на поле боя, испугался женщины с иглой в руках.

— Перенесите его в кладовую, — я поднялась, чувствуя, как адреналин медленно покидает тело, оставляя после себя свинцовую тяжесть. — Положите на чистую солому. Воду давать только кипяченую. И если я увижу здесь этого... — я кивнула на Гроу, который всё еще стоял с раскрытым ртом, — я за себя не ручаюсь.

Мэтр Гроу что-то пробормотал про «нечистую силу» и поспешил скрыться. Толпа расходилась шепотом, крестясь и оглядываясь на меня.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Мелкая, противная дрожь — реакция молодого организма на запредельный стресс.

— Бертран, — позвала я капитана. — Найди мне еще того поила. Нужно промыть инструменты. И... помоги мне дойти до покоев. Кажется, эти юбки весят тонну.

Я шла по двору, оставляя кровавые следы на камнях. Я знала, что завтра весь замок будет гудеть о том, что герцогиня — ведьма. Я знала, что Себастьян теперь будет смотреть на меня как на заряженный пистолет у него под подушкой.

Но парень дышал. Его пульс под моими пальцами был слабым, но ровным. И для Нины Петровны это было единственным, что имело значение.

Вторая жизнь продолжалась. И, кажется, мир вокруг только что понял, что я не намерена играть по его правилам.

Поднимаясь по лестнице, я почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернулась. В конце коридора стояла мадам Гритт. В её руках был таз с чистой водой и полотенце. Она не сказала ни слова, но в её глазах впервые промелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Отмывайтесь, миледи, — тихо произнесла она. — Я распоряжусь насчет новой одежды. А старую... старую лучше сжечь. Она слишком много видела.

Я кивнула, принимая полотенце. Старая одежда действительно много видела. Но то, что она увидит дальше, вряд ли понравится этому замку. Пора было переходить от экстренной хирургии к плановой терапии. И начать стоило с собственного мужа, который, судя по всему, собирался упасть в обморок прямо в своих покоях.

«Берегите сердце, милорд, — усмехнулась я про себя, смывая чужую кровь с рук. — Сегодня оно у вас билось слишком часто».

Глава 8

Кладовая, которую я подмяла под себя, превратив в подобие стерильного бокса, пропахла так, что у любого неподготовленного аристократа случился бы спазм легких. Уксус, чеснок, вываренный деготь и тяжелый, липкий дух свежего меда.

Ганс — парень оказался живучим, как дворовая собака, — метался на соломе. Короткий, рваный бред, влажный блеск на лбу. Типичная постоперационная лихорадка. В моей прошлой жизни, там, за белой пеленой времени, я бы просто кивнула медсестре: «Пятьсот цефтриаксона внутривенно, мониторинг каждые два часа». Здесь же моим «мониторингом» были мои собственные пальцы, а «цефтриаксоном» — то, что я успела наколдовать на коленке из кухонных запасов.

Я сидела на низком табурете, чувствуя, как затекает спина. Тело Эллары было молодым и гибким, но даже оно поддавалось усталости после многочасового бдения. Свеча в плошке догорала, пуская по каменным стенам длинные, ломаные тени.

— Пить... — прохрипел Ганс, не открывая глаз.

Я приподняла его голову, придерживая за затылок. Юная шея, тонкая, как стебель.

— Пей, герой. Только маленькими глотками.

Вода была кипяченой, с добавлением пары капель уксуса. Парень жадно прильнул к ковшу, а я в это время другой рукой проверяла повязку. Сухая. Слава богу, швы на артерии держат. Если сорвет — я просто не успею зажать, он вытечет за минуту прямо здесь, на глазах у испуганных крыс.

Ганс забылся тяжелым сном, а я вернулась к своему «алхимическому» столу.

На нем стояла миска с густым, темным медом. Я знала, что мед — это не просто сладость, это гиперосмос, он вытягивает лишнюю жидкость, не дает развиваться большинству бактерий. Я раздавила туда пару зубчиков чеснока — фитонциды в чистом виде. Самое сложное лежало на куске чистого холста: те самые корки заплесневелого хлеба, которые мадам Гритт принесла мне с таким выражением лица, будто я собираюсь кормить ими самого Сатану.

Я осторожно соскребала зеленовато-серый пушок с хлеба прямо в медовую смесь. Пенициллин. Вернее, его дикий, неочищенный предок. Риск? Огромный. Там могла быть любая другая плесень, способная вызвать еще худшее воспаление. Но без этого Ганс умрет от сепсиса через три дня. Гангрена не знает жалости, а ампутация в этих условиях — это просто отложенный смертный приговор.

— Вы совсем лишились разума, миледи? — раздался от двери скрипучий, полный желчи голос.

Я даже не вздрогнула. Мэтр Гроу стоял в проеме, не решаясь переступить черту, которую я провела мелом — мой личный «санитарный кордон». В руках он сжимал кадило, от которого несло ладаном и какой-то женой шерстью.

— Вы мешаете осмотру, Гроу, — бросила я, не оборачиваясь. — Уйдите с линии света.

— Осмотру? — лекарь фыркнул, и его борода затряслась от возмущения. — Вы влезли железкой в живое мясо! Вы связали сосуды, по которым течет жизнь, будто это старые веревки! Вы осквернили тело, которое должно было быть очищено огнем или молитвой. Весь замок шепчется, что вы продали душу дьяволу, раз не побоялись крови.

Я медленно повернулась. На моем лице, уверенна, застыла та самая маска ледяного презрения, от которой в моем родном 1975-м падали в обморок нерадивые интерны.

— Молитва — это прекрасно, Гроу. Но молитва не останавливает кровотечение из бедренной артерии. А ваш навоз, который вы называете «припаркой», — это билет в один конец.

Если парень выживет — а он выживет, — это будет победа чистоты над вашей дремучестью. Хотите донести совету? Валяйте. Но пока я здесь — я врач. А вы — просто помеха под ногами. Гроу побледнел, его глаза сузились.

— Вы зашли слишком далеко, Элара. Люди боятся того, чего не понимают. И герцог... герцог не потерпит ведьму в своей постели.

— Герцог пока терпит только свою аритмию, — отрезала я. — Вон отсюда. Здесь карантин.

Лекарь плюнул на пол (конечно, прямо за черту, чтобы мне пришлось вытирать) и скрылся в темноте коридора, бормоча проклятия. Идиот. Если бы он знал, сколько раз я видела таких «блустителей канонов», когда мы внедряли новые методы реанимации...

Я вернулась к Гансу, осторожно нанося медовую смесь на края раны. Кожа вокруг разреза была розовой, без пугающей синюшности. Хороший знак.

Дверь скрипнула снова. Тяжелее, увереннее.

Я не обернулась, узнав этот шаг. Себастьян. Его дыхание было прерывистым — лестница далась ему нелегко. Я почувствовала, как по спине пробежал холодок — не страха, а того самого напряжения, которое возникает между двумя хищниками в одной клетке.

Он вошел. Я услышала, как он остановился у моей меловой черты. Долго стоял молча, разглядывая меня — взлохмаченную, в перепачканном халате, с чумазым лицом и руками, пахнущими чесноком.

— Он жив? — голос Себастьяна был глухим.

— Дышит, — ответила я, забинтовывая ногу Ганса свежим холстом. — Сердце держит ритм. Если до утра не вспыхнет жар, который не удастся сбить, — будет ходить.

Герцог сделал шаг вперед, переступая черту. Я вскинула голову, намереваясь рывкнуть, но слова застряли в горле. Он смотрел на меня не с яростью, как днем. В его взгляде была пугающая, острая сосредоточенность. Он пытался разгадать меня, как сложный шифр.

— Кто ты? — спросил он тихо. — Только не лги мне про смирение и дочерний долг. Я видел твои руки сегодня. Я видел твой взгляд. Ты резала человека так, словно делала это тысячу раз. У дочери мельника не может быть таких пальцев. И такого стального голоса.

Я медленно поднялась, вытирая руки о полотенце.

— Люди часто ошибаются в том, что «может» или «не может» молодая женщина, Себастьян. Особенно когда от её решений зависит, будет ли человек дышать через минуту.

— Это не ответ, — он подошел ближе, нависая надо мной. От него пахло дорогим табаком и той самой горечью моего отвара, который он всё-таки выпил. — Гроу говорит, что ты ведьма. Что ты читала заклинания на языке, которого нет в наших книгах. Что тышила сосуды, будто ты ткачиха из преисподней.

Я усмехнулась, глядя ему прямо в глаза. Мой рост был значительно меньше, но сейчас мне казалось, что это я смотрю на него сверху вниз.

— Моя бабушка была травницей, — начала я свою заготовленную легенду. — Она жила в лесу и знала о живом мясе больше, чем все ваши столичные алхимики. Она учила меня, что люди внутри устроены одинаково — будь то крестьянин или король. С семи лет я помогала отцу на мельнице разделять свиней, когда забивали скот. Мышцы, связки, кости... я видела их каждый день. А когда бабушка лечила лесорубов, я держала свечу и смотрела.

Я сделала шаг к нему, так что наши груди почти соприкоснулись.

— Анатомия — это не магия, Себастьян. Это знание механики. Если шестеренка на мельнице сломана, её чинят. Если сосуд лопнул — его зашивают. Разница лишь в том, что мельница не кричит от боли.

Себастьян замер. Я видела, как в его глазах борется суеверный страх воина и рациональное зерно правителя. Моя ложь была грубой, приземленной, и именно поэтому она сработала. Мельница, свиньи, бабушка-лекарка — это вписывалось в его мир куда лучше, чем «попадание из будущего».

— Ты странное создание, Элара, — прошептал он. Его рука непроизвольно потянулась к моему лицу, но он замер в паре сантиметров от моей щеки. — Пугающее.

— Я просто врач, милорд, — я чуть склонила голову. — И сейчас мой пациент — этот мальчик. А мой второй пациент — вы.

Я бесцеремонно взяла его за руку, игнорируя попытку отстраниться. Пальцы на пульсе. Ритм был... странным. Перебои стали реже, но наполнение пульса мне не нравилось.

— Берегите сердце, Себастьян, — сказала я, глядя на его синеватые губы. — Внутри мы все состоим из одних и тех же хрупких нитей. И конюх, и вы. Если вы будете игнорировать мои рекомендации, никакая «бабушкина магия» вас не спасет.

Я отпустила его руку и вернулась к Гансу, давая понять, что аудиенция закончена.

Себастьян долго стоял за моей спиной. Я кожей чувствовала его взгляд — тяжелый, обжигающий, полный вопросов, на которые у него не было ответов.

— Надеюсь, мне не придется демонстрировать свои навыки на вас, — добавила я, не оборачиваясь. — Но если придется — знайте: я не буду читать молитвы. Я буду резать. И шить. И требовать чистоты.

— Я верю тебе, — неожиданно произнес он. — Не знаю почему, но верю. Завтра... завтра ты переедешь обратно в покои. Гритт распорядится. В этом подвале не место герцогине.

— Я останусь здесь, пока Ганс не придет в себя, — отрезала я. — Статус подождет. Сепсис — нет.

Он ничего не ответил. Я услышала его уходящие шаги, а потом — тяжелый вздох в коридоре.

Когда дверь окончательно закрылась, я бессильно опустилась на табурет. Руки дрожали так, что я едва не выронила плошку с медом.

«Ну что, Нина Петровна, — подумала я, глядя на догорающую свечу. — Первый допрос пройден. Свиньи и бабушка-травница... Глядишь, и до антибиотиков доживем, если нас раньше на костре не сожгут».

Ганс во сне жалобно застонал, и я снова потянулась к ковшу с водой. Вторая жизнь в чужом мире только начиналась, и в ней, как и в первой, самой важной была ночная смена. Смена, на которой решалось, чье сердце продолжит биться завтрашним утром.

Глава 9(Себастьян)

(от лица Себастьяна)

Я стоял перед ростовым зеркалом в своих покоях, и собственное отражение казалось мне портретом незнакомца. Лицо, еще неделю назад имевшее землистый, почти мертвенный оттенок, сейчас выглядело просто бледным. Темные круги под глазами не исчезли совсем, но перестали напоминать глубокие провалы.

Впервые за долгие месяцы я не чувствовал, что в моей груди живет разгневанный зверь, готовый в любой момент вонзить когти в ребра. Зверь присмирел. Возможно, его напугали горькие отвары и овсянка, которыми меня пичкала Элара, а может, он просто затаился, наблюдая за переменами в моем замке.

— Ваша светлость, карета подана, — негромко доложил Бертран, поправляя на мне тяжелую цепь ордена Золотого Грифона.

Я кивнул, не сводя взгляда с зеркала. Сегодня был бал у графа Риверсдорфа. Светское болото Севера, где каждый шепот звучит громче крика, а каждая ошибка смакуется годами. И я вез туда свою новую жену. Мельникову дочку, которую замок уже окрестил «Кровавой герцогиней» после того, что она сотворила с конюхом Гансом.

Честно говоря, я ждал этого вечера со смесью азарта и тошнотворного страха. Я представлял, как она выйдет в каком-нибудь нелепом, аляпистом платье, обвешанная фамильными камнями, словно рождественское дерево, и как Луиза — изящная, острая на язык Луиза — разделает её под орех перед всем двором.

Дверь в покои отворилась.

Я обернулся, готовясь к худшему. Но слова застряли у меня в горле.

Элара не шла — она выступала. На ней не было новых шелков, которыми завалены лавки столицы. Она каким-то чудом разыскала в сундуках старое платье моей матери, из тех времен, когда мода диктовала строгость и величие, а не пышность и рюши. Глубокий винный бархат облекал её фигуру, подчеркивая тонкую талию и неожиданно статную осанку. Она убрала всё лишнее: ни бантов, ни кружевных каскадов, ни золотой вышивки. Только строгий воротник-стойка и тяжелые складки подола.

Её волосы были уложены в сложную, но аккуратную корону, а из украшений на ней была лишь одна нить жемчуга.

— Вы готовы, Себастьян? — спросила она.

В её голосе не было ни капли волнения. Она не походила на дебютантку, впервые выходящую в свет. Она выглядела как королева, которая возвращается на трон после долгой ссылки. И этот её взгляд... мудрый, чуть ироничный, будто она заранее знала все сплетни, что будут шептать нам в спины.

— Ты... ты перешила платье моей матери? — выдавил я, подходя ближе.

— Оно было слишком перегружено деталями, затрудняющими кровообращение и движение, — спокойно ответила она, поправляя перчатку. — Я привела его в соответствие с анатомическими нормами и здравым смыслом. Надеюсь, вы не станете возражать, милорд?

Я не возражал. Я вообще не мог найти слов. В эту минуту я впервые осознал, что Луиза, со всеми её рубинами и столичным лоском, рядом с этой девочкой будет выглядеть как раскрашенная кукла рядом с античной статуей.

— Идемте, — я предложил ей руку. — И постарайтесь... не резать никого хотя бы первые два часа.

Она коротко усмехнулась, и этот сухой смех хирурга заставил меня невольно сжать её ладонь крепче.

Замок Риверсдорф встретил нас какофонией звуков и запахов. Духота здесь была такая, что я почти сразу почувствовал, как сердце начало давать сбои, пропуская удары. Сотни свечей выжигали воздух, а аромат дешевых духов и пота, который не могли скрыть никакие благовония, стоял плотной стеной.

— Дышите носом, глубоко и мерно, Себастьян, — не оборачиваясь, произнесла Элара. — И не смейте пить красное вино. Только воду, если найдете чистую.

Мы вошли в главную залу. Оркестр заиграл громче, и головы присутствующих повернулись к нам с синхронностью марионеток. Шепот пролетел по залу подобно ветру в камышах.

— Герцог де Вальде... и его мельничиха...

— Посмотрите на платье, какой анахронизм...

— Говорят, она режет людей по ночам...

Я чувствовал, как гнев поднимается к горлу, но ладонь Элара на моем локте была холодной и неподвижной. Она не сжалась, не задрожала. Она шла так, словно под её ногами был не паркет, а поле битвы, на котором она уже победила.

Луиза возникла перед нами словно из ниоткуда. Она была в ярко-алом платье, расшитом рубинами, которые при каждом её движении сверкали, как капли крови. Её прическа была вызывающе высокой, а глаза горели торжеством.

— Себастьян! — она почти прильнула к моей свободной руке, игнорируя Элара. — Ты приехал! Я так скучала... Замок без тебя совсем опустел. А это, я полагаю, твоя... подопечная?

Она окинула Элара взглядом, полным ядовитого сочувствия.

— Дорогая, какое милое платье. Моя бабушка носила что-то подобное на коронацию прошлого короля. Как это... трогательно. Неужели в Де Вальде совсем не осталось шелка?

Элара медленно повернула голову. Она осмотрела Луизу с ног до головы — медленно, тщательно, будто изучала сомнительный экспонат в анатомическом театре.

— Шелк — материал недолговечный, леди Луиза, — произнесла моя жена своим чистым, ледяным голосом. — В отличие от бархата. И в отличие от хороших манер. Но я вижу, ваше платье стоит целое состояние. Жаль только, что рубины так сильно давят на грудную клетку. Судя по вашей одышке и легкому цианозу губ, корсет затянут на два дюйма больше, чем позволяют ваши легкие.

Луиза поперхнулась заготовленной колкостью. Зал вокруг нас притих.

— Что за чушь вы несете? — выплюнула любовница, нервно обмахиваясь веером.

— Это не чушь, это патофизиология, — Элара чуть наклонила голову. — Впрочем, не берите в голову. Танцуйте, наслаждайтесь. Только не делайте резких движений — при такой гипоксии обморок почти неизбежен.

Я едва сдержал улыбку. Луиза выглядела так, будто ей в лицо плеснули холодной водой. Она попыталась утянуть меня к фуршетному столу, где стояли кувшины с моим любимым крепким вином и лежали горы жирной дичи.

— Себастьян, пойдем, граф привез удивительное вино из южных земель. Тебе нужно расслабиться. Ты такой бледный...

Я посмотрел на стол, потом на Элара. Она стояла в паре шагов, разговаривая с каким-то пожилым бароном, но я чувствовал её внимание. Она не смотрела на меня, но я готов был поклясться — она считала мои вдохи.

— Нет, Луиза, — я мягко отстранил её руку. — Я воздержусь. Мой лекарь категорически запретил мне алкоголь в таких количествах.

— Лекарь? — Луиза округлила глаза. — Мэтр Гроу? Но он всегда говорил, что вино бодрит кровь!

— Мэтр Гроу — шарлатан, — отрезал я, сам удивляясь собственной твердости. — А моя жена знает о крови гораздо больше.

Луиза вскрикнула от возмущения и скрылась в толпе, а ко мне подошел граф Риверсдорф — хозяин вечера. Это был человек с лицом старой гончей и глазами, в которых не было ничего, кроме холодного расчета.

— Себастьян, старый друг! — он хлопнул меня по плечу, и я поморщился от внезапного толчка в груди. — Рад видеть тебя в строю. И рад познакомиться с твоей супругой. Говорят... — он понизил голос, глядя на Элору, — говорят, у неё удивительные таланты. Скажите, миледи, это правда, что на мельнице вашего отца учат не только молоть муку, но и... копать в человеческом нутре?

Вокруг нас мгновенно образовался круг из любопытных. Это был момент истины. Граф бросил вызов, намекая на её низкое происхождение и «кровавое» хобби.

Элора не отвела взгляда. Она расправила плечи, и в эту секунду она показалась мне выше самого графа.

— Вы совершенно правы, лорд Риверсдорф, — произнесла она, и её голос разнесся по залу в наступившей тишине. — Мельница учит многому. Например тому, что если механизм засорился, его нужно чистить, а если деталь сломалась — её нужно заменить или починить. А что касается моего... увлечения, то позвольте процитировать одного мудрого человека: «*Medicus curat, natura sanat*». Лекарь лечит, а природа исцеляет. Однако природа бессильна перед невежеством, которое некоторые принимают за благородство.

Она произнесла фразу на латыни так легко и естественно, будто говорила на ней с колыбели. Зал ахнул. В этом мире латынь была языком высшей знати и ученых мужей. Услышать её из уст мельниковой дочери было всё равно что увидеть медведя, играющего на лютне.

Граф Риверсдорф побледнел. Он открыл рот, чтобы что-то возразить, но Элора не дала ему шанса.

— *Cor sanum in corpore sano*, граф, — добавила она с легким кивком. — Здоровый дух в здоровом теле. Судя по вашему лицу, у вас застой желчи. Рекомендую меньше соленого и больше прогулок на свежем воздухе. А сейчас, Себастьян, — она повернулась ко мне, — здесь становится слишком душно. Углекислый газ превышает все допустимые нормы.

Я предложил ей руку, чувствуя, как внутри меня расцветает дикая, неудержимая гордость. Моя жена только что уничтожила самого заносчивого графа Севера одной фразой на мертвом языке.

Но триумф был недолгим.

С противоположного конца залы донесся странный звук. Тяжелый хрип, звон разбитого бокала и грохот падающего стула.

Толпа расступилась, и я увидел барона фон Штука — тучного, огромного мужчину, который секунду назад с аппетитом поглощал перепелов у фуршетного стола. Сейчас барон стоял, согнувшись пополам, его лицо стремительно наливалось багровым цветом, переходящим в пугающую синеву. Он хватался руками за горло, выпучив глаза.

— Он подавился! — закричал кто-то. — Зовите лекаря! Гроу! Где Мэтр Гроу?!

Местный лекарь, такой же толстый и неповоротливый, как сам барон, подскочил к пострадавшему и начал неистово колотить его по спине кулаками.

— Дышите, барон! Молитесь! — орал Гроу, нанося удары, от которых барон лишь сильнее хрипел и опускался на колени.

— Дурак, — хлестко бросила Элора.

Я не успел её остановить. Она сорвалась с места с такой скоростью, что её шлейф промелькнул мимо меня винным сполохом.

— В сторону! — рывкнула она, отталкивая Гроу. — Вы загоняете кость глубже в трахею!

— Женщина, прочь! — заверещал лекарь, но Элара просто оттолкнула его плечом — жестко, профессионально.

Барон уже хрипел на полу, его губы стали иссиня-черными, а движения — судорожными. Асфиксия. Смерть была делом секунд.

Зал замер. Я видел, как Луиза прижала платок к губам, а граф Риверсдорф вытянул шею, ожидая позора моей жены.

Элара зашла барону за спину. Она была втрое меньше этого гиганта, но сейчас она казалась несокрушимой силой. Она обхватила его руками чуть выше пупка, сцепила пальцы в замок и...

— Держите его за плечи! — скомандовала она двум застывшим гвардейцам.

Они подчинились мгновенно, подчиненные её властному тону.

Элара сделала резкий, мощный толчок вверх и на себя. Живот барона содрогнулся. Ничего.

Второй толчок. Лицо Элара было сосредоточенным и холодным, как лед.

Третий толчок, всем весом её юного тела, вложенным в один точный вектор.

Из горла барона с влажным свистом вылетела обглоданная косточка перепела. Она ударилась о золотое блюдо с громким звоном. Барон содрогнулся, сделал первый, мучительный, всхлипывающий вдох и повалился на руки гвардейцев, жадно хватая ртом воздух.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как трещат свечи.

Элара не упала в обморок. Она не начала поправлять прическу. Она просто стояла над бароном, тяжело дыша, и её взгляд сканировал его состояние.

— Пульс... — прошептала она себе под нос, на мгновение приложив пальцы к шее фон Штука. — В норме. Гипоксия купирована.

Она выпрямилась, одернула рукава своего винного платья и посмотрела на застывшую толпу.

— У него будет болеть диафрагма пару дней, — спокойно произнесла она, обращаясь к онемевшему Мэтру Гроу. — И никогда... слышите, никогда не бейте человека по спине, когда он задыхается. Вы едва не убили его.

Она повернулась и пошла ко мне. Толпа расступалась перед ней, как воды перед Моисеем. В этих взглядах больше не было насмешки. Там был страх, смешанный с благоговением.

Я шагнул ей навстречу. В эту секунду я чувствовал, что Луиза, Риверсдорф, рубины, золото и всё это светское ничтожество просто перестали для меня существовать.

— Элара... — начал я.

— Пойдемте домой, Себастьян, — перебила она меня, и я увидел, что её руки всё-таки дрожат. — Здесь слишком мало кислорода для здоровых людей. И слишком много глупости.

Я взял её под руку. Мои пальцы коснулись её бархатного рукава, и я почувствовал, как мое сердце — моё большое, изношенное сердце — вдруг стукнуло ровно и сильно. Не от болезни. От восхищения.

Луиза попыталась что-то сказать, преградив нам путь, но я даже не посмотрел в её сторону. Я просто прошел мимо, ведя свою жену к выходу.

— Ты была великолепна, — прошептал я, когда мы вышли на прохладный ночной воздух.

— Я была врачом, Себастьян, — ответила она, глядя на звезды. — А врач не может позволить пациенту умереть просто потому, что это нарушает этикет бала.

Я помог ей сесть в карету и сел напротив. В темноте её лицо казалось призрачным. Я понял, что этот бал изменил всё. Завтра весь Север будет знать: в замке Де Вальде живет женщина, которая может вернуть с того света и конюха, и барона. И что герцог Де Вальде, кажется, впервые в жизни влюбился. Не в красивую куклу, а в стальной характер своей жены.

— Себастьян? — позвала она в темноте кареты.

— Да?

— Вы сегодня не выпили ни капли красного вина. Я горжусь вашей дисциплиной. Ваше сердце скажет вам спасибо завтра утром.

Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, улыбаясь.

— Оно уже говорит мне спасибо, Элара. Прямо сейчас.

Карета грохотала по камням, увозя нас в наш замок, который больше не казался мне мрачной тюрьмой. Потому что теперь в нем была она. Мой личный хирург. Моя герцогиня. Моя жизнь.

Глава 10

Утро в замке Де Вальде теперь пахло не плесенью и кислым элем, а чесноком, уксусом и надеждой. Я шла по коридору, и слуги, завидев меня, вжимались в стены. Но в их глазах больше не было того тупого, животного страха, с которым смотрят на карающую десницу. Они смотрели на меня как на некое стихийное бедствие, которое может и молнией ударить, и засуху прекратить.

Ганс, мой первый «пациент», шел на поправку семимильными шагами. Молодой организм, не отравленный столичными излишествами и ртутными мазями, впитывал мой «дикий пенициллин» и медовые повязки с благодарностью губки.

— Потерпи, — пробормотала я, осторожно снимая слой холста с его голени.

Рана была чистой. Никакого пугающего багрового отека, никакой гнилостной вони. Края начали стягиваться здоровой розовой тканью. Ганс сидел на соломе, бледный, но с ясным взглядом.

— Миледи, — прошептал он, — вы ведь из этих... из святых? Матушка говорит, только святая может так зашить человека, чтобы он не помер.

Я усмехнулась, накладывая свежую повязку.

— Нет, Ганс. Я просто знаю, где у тебя проходят трубы, по которым течет кровь, и как их заклеить, если они лопнули. Просто механика.

Для него это звучало как магия, для меня — как будни ординатуры пятьдесят лет назад. Я чувствовала профессиональное удовлетворение, но в то же время — грызущее одиночество. Мне не с кем было обсудить грануляцию тканей или риск вторичной инфекции. Единственный «коллега» в радиусе ста миль, Мэтр Гроу, при виде меня теперь плевал через левое плечо и убегал прятаться в подвал.

Мои размышления прервал шум во дворе. Короткое ржание, стук копыт и голос Бертрана, приказывающий кому-то спешиться.

Я вышла на галерею. У ворот стоял всадник. Никаких лат, никаких перьев на шляпе. Молодой человек в поношенном дорожном камзоле землистого цвета, с огромными переметными сумками, из которых торчали свитки и корешки книг. На носу у него поблескивали «оптические камни» в тяжелой оправе — огромная редкость и символ высокого статуса в ученой среде.

Он выглядел как типичный аспирант перед защитой диплома: взъерошенный, с красными от недосыпа глазами, но с фанатичным блеском за линзами очков.

— Кто это? — спросила я подошедшую Гритт.

— Говорят, из университета приехал, — экономка поджала губы. — Артур фон Штейн. Ученый человек, алхимик и лекарь. Услышал в городе про барона фон Штука и кость перепела. Говорят, всю дорогу ехал, не останавливаясь, чтобы увидеть «женщину, победившую удушье».

Я почувствовала, как внутри шевельнулось любопытство. Настоящий университетский врач? Это могло быть интересно. Либо он окажется таким же шарлатаном, как Гроу, только с дипломом, либо...

Себастьян принял гостя в большой зале. Мой муж сегодня выглядел... величественно. Черный бархат, золотая цепь, тяжелый взгляд. Он сидел в своем кресле, и хотя я знала, что его левый желудочек всё еще работает с перебоями, внешне он был воплощением мощи.

Артур фон Штейн стоял перед ним, неловко переминаясь с ноги на ногу и прижимая к груди кожаный саквояж.

— Ваша светлость, — Артур поклонился, едва не уронив очки. — Я прибыл, дабы... дабы засвидетельствовать чудо. В столице говорят, что ваша супруга владеет методами, кои не

описаны даже в трудах великого Галена. Спасти барона фон Штука, когда тот уже пребывал в объятиях Смерти... это... это экстраординарно!

Себастьян бросил на меня короткий, колющий взгляд. В нем читалось: «Ну, давай, облачай её, покажи всем, что она — просто мельничиха с иголкой».

— Моя жена — скромная целительница, — сухо произнес Себастьян. — Её методы... специфичны.

Я сделала шаг вперед, выходя из тени колонны.

— Специфичны для тех, кто предпочитает молитву анатомии, — сказала я.

Артур резко обернулся. Его глаза за линзами очков расширились. Он смотрел на меня не как на женщину, не как на герцогиню, а как на редчайший манускрипт, упавший ему в руки.

— Миледи! — он почти подбежал ко мне. — Скажите, это правда? Вы воздействовали на область диафрагмы? Вы создали избыточное давление в плевральной полости, дабы вытолкнуть инородное тело силой сжатого воздуха? *Per visum et auditum*?

Я замерла. Это было... это было прекрасно. Латынь. Чистая, медицинская латынь, которую я когда-то зубрила в мединституте, проклиная всё на свете.

— *Exactus*, — ответила я, чувствуя, как по губам ползет улыбка. — *Compressio subdiaphragmatica*. Это позволяет использовать остаточный объем воздуха в легких как поршень.

Артур замер. Его челюсть медленно поползла вниз. Себастьян, не понимавший ни слова из нашего диалога, нахмурился, его пальцы вцепились в подлокотники кресла.

— Вы... вы говорите на языке науки? — прошептал Артур. — Но позвольте, каким образом... а конюх? Говорят, вы соединили сосуды? Как вы избежали *putrefactio*? Гниения?

— Чистота, — я сделала приглашающий жест. — Идемте, Артур. Я покажу вам то, что я называю своим лазаретом. Если герцог позволит нам удалиться для... профессиональной дискуссии.

Себастьян ничего не ответил. Он просто смотрел, как я, забыв о статусе и этикете, веду молодого очкарика к выходу, оживленно жестикулируя и обсуждая на латыни методы остановки кровотечений.

Мы сидели в саду, на старой каменной скамье. Артур разложил на коленях свой травник — огромный фолиант, страницы которого были испещрены его собственными комментариями.

— Вы используете плесень? — он смотрел на меня так, будто я предложила ему слетать на Луну. — Но это же... это же грязь! Гниль!

— Не всякая гниль убивает, Артур, — я искренне рассмеялась. Боже, как давно я не смеялась так легко. — В природе есть баланс. Одни крохотные существа поедают других. Эта зеленая плесень на хлебе борется с «бесами» в ране эффективнее любого ладана. Посмотрите на записи о свойствах чеснока и меда. Они — природные консерванты. Гиперосмос меда вытягивает лимфу, лишая бактерии среды для размножения.

Артур лихорадочно записывал, его перо скрипело по пергаменту.

— Это гениально... Это меняет всё. Если мы сможем классифицировать эти «невидимые существа»...

Я смотрела на него и видела в нем тех молодых интернов, которых когда-то учила сама. Он был жадным до знаний, чистым в своих помыслах. Для него я была не Эларой, дочерью мельничихи, а великим мастером. И мне было чертовски приятно снова чувствовать себя в своей тарелке — не в роли трофея или обузы, а в роли наставника.

Мы склонились над книгой. Артур показывал мне зарисовку белладонны, объясняя её влияние на зрачки, а я рассказывала ему о дозировках для снятия спазмов. Наши головы почти соприкасались.

— Вы удивительная, — вдруг сказал он, отрываясь от записей. Его взгляд за стеклами очков был полон искреннего, щенячьего обожания. — Я никогда не встречал такого разума. Особенно... здесь.

— Разум не имеет пола и титула, Артур, — ответила я, тепло улыбнувшись. — Он просто либо есть, либо...

— Либо он тратит время на пустую болтовню в саду, забывая о приличиях! — ледяной, громовой голос Себастьяна заставил нас обоих подпрыгнуть.

Герцог стоял на дорожке, скрестив руки на груди. Плащ за его спиной развевался на ветру, как крылья огромной хищной птицы. Его лицо было бледным, но не от болезни — от ярости, которую он едва сдерживал. Под глазами залегли тени, губы были плотно сжаты.

Артур вскочил, едва не опрокинув чернильницу.

— Ваша светлость! Мы лишь обсуждали...

— Я видел, что вы обсуждали, — Себастьян сделал шаг вперед, вторгаясь в наше пространство. От него веяло холодом и тяжелой, липкой ревностью. — Моя жена, кажется, нашла себе достойного собеседника. Куда более интересного, чем её собственный муж, не так ли?

— Себастьян, не глупи, — я медленно поднялась, закрывая книгу. — Мы обсуждали медицину. То, что тебе неинтересно.

— Мне неинтересно смотреть, как какой-то столичный хлюпик дышит тебе в ухо! — рявкнул он. Его грудь тяжело вздымалась. — Ты герцогиня Де Вальде! Ты не имеешь права сидеть здесь, как девка на выданье, с этим... книжным червем!

Артур побледнел и попытался что-то сказать, но Себастьян одарил его таким взглядом, что парень буквально сжался.

— Вон, — процедил герцог. — Иглы, склянки, бумаги — забирай всё и проваливай в гостевое крыло. Чтобы я не видел тебя рядом с ней до самого ужина.

— Но, ваша светлость...

— Вон! — рявкнул Себастьян, и его рука непроизвольно легла на рукоять меча.

Артур, судорожно хватая свои пожитки, почти убежал в сторону замка. Я осталась стоять на месте, глядя на мужа с нарастающим раздражением.

— Ты ведешь себя как дурак, Себастьян, — спокойно сказала я. — Громко кричишь, пугаешь гостя и даешь лишнюю нагрузку на свои сосуды.

— Ты смеешься с ним! — он схватил меня за плечи, встряхивая. — Ты со мной никогда так не смеялась! Ты смотришь на него так, будто он... он твой ровня!

— Он понимает меня, — я не отвела взгляда. — Он говорит со мной на одном языке. А ты... ты только требуешь подчинения.

— Я твой муж!

— Ты мой пациент, Себастьян. И сейчас ты ведешь себя крайне безответственно. Ревность вызывает выброс желчи и тахикардию. Твой пульс сейчас — как барабанная дробь. Если ты не прекратишь эту истерику, твое сердце сорвется в аритмию быстрее, чем ты успеешь закончить свою тираду.

Я бесцеремонно взяла его за запястье, фиксируя пульс. Себастьян хотел вырвать руку, но мой стальной, профессиональный взгляд пригвоздил его к месту.

— Сто десять в минуту. Клиническая картина типичной истерики на почве уязвленного эго, — констатировала я. — Артур — мой коллега. Он дает мне пищу для ума. А ты даешь мне только головную боль. Не путай эти роли, милорд.

Я отпустила его руку и сделала шаг в сторону замка.

— Иди в кабинет. Выпей успокоительный отвар. И не смей больше хамить моим гостям. Иначе я переведу тебя на строгую диету из одной капусты на месяц. Для смирения духа.

Себастьян остался стоять посреди сада, глядя мне в спину. Он выглядел как человек, который только что проиграл битву, даже не успев вынуть меч из ножен. Он понимал, что Артур открыл во мне то, к чему у него, великого герцога, не было ключа.

А я шла к замку и чувствовала, как внутри закипает глухое предчувствие. Луиза не простит мне триумфа на балу, а Гроу не простит мне Артура. Ревность Себастьяна была лишь искрой, но пороховой погреб этого замка уже был полон.

— Берегите сердце, милорд, — прошептала я, входя под своды крепости. — Берегите сердце. Оно вам еще понадобится, когда начнется настоящий шторм.

Глава 11

Зеркало в массивной серебряной раме не лгало, и это было самым невыносимым. Луиза вцепилась в край туалетного столика так, что костяшки пальцев побелели, а идеальный маникюр впился в лакированную поверхность.

Слова этой девки — этой мельничьей выскочки — застряли в мозгу, как зазубренная игла. «Тремор рук... зрачки... щитовидка... герпес». Луиза никогда не слышала этих слов, но их интонация, холодная и пренебрежительная, была понятнее любого языка. Она видела это пятнышко в углу губ. Крохотное, почти незаметное под слоем дорогих столичных белил, но теперь оно казалось ей огромным клеймом. Она чувствовала, как дрожат кончики её пальцев, и не могла это остановить.

— Тварь, — прошипела Луиза, смахивая со стола флакон с духами. — Нищая, грязная тварь.

Хрусталь разбился, наполнив комнату приторным ароматом мускуса и амбры, который теперь казался ей запахом поражения. Себастьян не приехал. Третий день он не присылал ни весточки, ни подарка. Слухи доносили, что герцог пьет какую-то бурду, ест овсянку и часами гуляет в саду, слушая бредни своей жены и столичного недоноски в очках.

Дверь в покои скрипнула. Луиза резко обернулась, готовая сорвать гнев на служанке, но в тени проема стояла грузная фигура.

— Вы звали, миледи? — голос Мэтра Гроу был похож на скрип несмазанных петель.

Он вошел, прихрамывая, и в комнате сразу запахло кислым вином и застарелым потом — запахами, которые Луиза презирала, но которые сейчас были её единственной надеждой. Гроу выглядел скверно. После того как Элара выставила его из замка, его практика в городе пошла прахом. Барон фон Штук во всеуслышание назвал его «коновалом», а конюхи смеялись ему в спину.

— Входи, Гроу. Пей, — Луиза указала на кувшин с тяжелым южным вином. — Нам нужно поговорить о том, как избавить этот мир от одной «святой» целительницы.

Лекарь жадно припал к кубку, вытирая бороду рукавом. В его маленьких, заплывших жиром глазках горела та же ненависть, что и в душе Луизы.

— Она ведьма, миледи, — прохрипел Гроу, опуская кубок. — Я видел, как она шила мясо. Живое мясо! Она не молилась, не звала Бога. Она бормотала проклятия на языке мертвецов. Артерии, вены, клапаны... это слова из преисподней. Она вскрывает людей, как туши на бойне, и подчиняет себе их кровь. Себастьян одурманен. Он думает, что она спасает его, но она просто выпивает его жизнь по капле.

Луиза подошла к нему вплотную. Её глаза сузились, превратившись в две тонкие щели.

— Мне плевать на её магию, Гроу. Мне нужно, чтобы Себастьян увидел в ней монстра. Чтобы он сам, своими руками, вышвырнул её из замка или запер в башне до конца дней. Ты понимаешь?

— Понимаю, — Гроу криво усмехнулся. — У народа уже чешутся языки. После того как она спасла барона, многие решили, что она украла жизнь у кого-то другого. Нам нужен только повод. Осязаемое доказательство её связи с Тьмой. И... её ошибка. Ошибка, которая будет стоить кому-то жизни.

Луиза открыла ящик комода и достала небольшой сверток. Внутри лежали восковые фигурки, перетянутые черными нитками, и пучки волос, перемешанные с куриными костями.

— Это мы подбросим в её комнату, — сказала она. — Но этого мало. Себастьян слишком упрям. Он верит своим глазам, а его глаза говорят ему, что он чувствует себя лучше.

— Он чувствует себя лучше, потому что она дает ему настойку наперстянки, — Гроу сплюнул на ковер. — Я узнал запах. Сильное средство, опасное. Один лишний глоток — и сердце остановится. Или начнет биться так, что выскочит из груди. Если мы подменим её «лекарство» на что-то другое... на то, что вызывает судороги и черноту в жилах...

Луиза почувствовала, как по спине пробежал холодок возбуждения.

— У тебя есть такое средство?

Гроу полез за пазуху и извлек крохотный пузырек из темного стекла.

— Концентрат сурьмы и сок чемерицы. Пара капель — и человек корчится в муках, а кожа его синее, как при проклятии. Если герцог выпьет это вместо своей настойки, он решит, что «ведьма» решила ускорить получение наследства.

— Прекрасно, — Луиза взяла пузырек, любуясь его зловещим блеском. — У меня есть своя лазейка в замке. Служанка Марта. Она глупа и должна мне денег. Она пронесет меня внутрь этой ночью.

Замок Де Вальде в час волка казался каменным чудовищем, затаившим дыхание. Луиза, скрытая тяжелым шерстяным плащом, проскользнула через боковую калитку, которую приоткрыла дрожащая Марта.

— Миледи, если нас увидят... — шептала служанка, стуча зубами. — Новая хозяйка, она... она видит всё. У неё глаза, как у совы.

— Молчи, дура, — Луиза сунула ей в руку тяжелый кошель. — Иди к себе и спи. Если хоть слово сорвется с твоего языка, ты позавидуешь тем, кто гниет в канаве.

Марта исчезла в тени, а Луиза, безошибочно ориентируясь в коридорах, направилась к южной башне. Там, в бывшей кладовой, Элара устроила свою «лабораторию».

Луиза толкнула дверь. В нос ударил резкий, непривычный запах. Уксус, деготь и какая-то стерильная чистота, от которой щипало в носу. Луиза брезгливо поморщилась. Для неё этот запах был символом всего, что она ненавидела в сопернице: порядка, дисциплины и холодного разума. Здесь не было кружев, не было пудры. Только ряды склянок, пучки сушеных трав и стопки идеально чистого холста.

— Ведьмина берлога, — прошептала она, подходя к столу.

Она быстро нашла то, что искала. Пузырек с настойкой наперстянки стоял на самом видном месте, подписанный четким, почти печатным почерком Элара. Луиза открыла его, вылила содержимое в сточное ведро и наполнила склянку ядом Гроу. Жидкости были похожи по цвету — обе мутные и темные.

Затем она подошла к стеллажу, где лежали запасы ветоши. Луиза засунула глубоко под ткань восковую куклу, проткнутую иглами. Одна игла торчала прямо там, где у человека находится сердце.

— Посмотрим, как ты заговоришь о «прогессе», когда тебя потащат на костер, — прошипела Луиза.

Она уже собиралась уходить, как вдруг её взгляд упал на раскрытый дневник на столе. Она не понимала многих слов, но увидела свое имя. «Луиза. Гипертиреоз? Тремор. Нервическая неустойчивость».

Ярость вспыхнула в ней с новой силой. Она схватила со стола лоскут розового шелка — деталь своего старого платья, которую Элара, видимо, использовала как тряпку для протирки столов — и сжала его в кулаке. Это было последней каплей унижения.

Луиза выскользнула из лаборатории, но на обратном пути её ждало последнее дело. Ей нужна была жертва. Наглядное доказательство «ядовитой сути» новой герцогини.

Она нашла Марту в людской. Служанка сидела у окна, судорожно сжимая кошелек.

— Марта, — позвала Луиза из тени. — Ты оказала мне услугу. Выпей это, чтобы успокоить нервы. Это сладкое вино из моих запасов.

Она протянула ей флягу, в которую Гроу подмешал «слабительный яд» — не смертельный, но вызывающий дикие боли и рвоту. Марта, не смея перечить, сделала несколько больших глотков.

— Спи, милая, — улыбнулась Луиза, погладив её по щеке. — Завтра ты станешь ключом, который откроет двери темницы для нашей дорогой Эллары.

Луиза покинула замок так же незаметно, как и вошла. Но в спешке, перелезая через низкую ограду сада, она не заметила, как зацепилась рукавом за куст шиповника. Тонкий лоскут ткани цвета «пыльной розы» остался висеть на колючке, как негласное свидетельство ночного визита.

Этим же утром Нина Петровна проснулась с тяжелым чувством. Девяностолетний опыт шептал ей: когда в операционной слишком тихо — жди осложнений.

Она зашла в лабораторию, готовя утреннюю дозу для Себастьяна. Она взяла пузырек, поднесла его к свету. Ей показалось, что настойка стала чуть более вязкой, а на пробке остался странный налет.

— Странно, — пробормотала она, поднося склянку к носу.

Запах был тяжелым, металлическим. Совсем не наперстянка.

— Гритт! — крикнула она. — Кто заходил сюда ночью?

Но её крик утонул в другом звуке. Со стороны людской донесся пронзительный женский вопль, а затем — грохот падающих тел.

Нина выбежала в коридор. У входа в столовую на полу корчилась Марта. Её лицо было серым, изо рта шла пена, а руки судорожно скребли камни пола. Вокруг уже собиралась толпа, и в первых рядах, как по команде, стоял Мэтр Гроу.

— Это проклятие! — орал лекарь, указывая на Марту. — Посмотрите на её лицо! Она пила из тех бутылок, что готовит герцогиня! Она отравила её своей черной магией!

Себастьян вышел из столовой, бледный и хмурый. Его взгляд метался от бьющейся в конвульсиях служанки к жене, которая стояла с подозрительным пузырьком в руках.

— Элара? — его голос дрогнул. — Что это значит?

Нина Петровна посмотрела на мужа, потом на торжествующего Гроу. В голове мгновенно сложился пазл. Клиническая картина подлога.

— Это значит, Себастьян, — спокойно произнесла она, хотя внутри всё клокотало от ярости, — что в твоём замке завелись крысы. И они гораздо опаснее тех, что живут в подвале.

Она шагнула к Марте, но Гроу преградил ей путь.

— Не подходи к ней, ведьма! Ты уже сделала достаточно! Ваша светлость, прикажите взять её под стражу! В её комнате наверняка спрятаны слуги Дьявола!

Себастьян молчал. Ревность к Артуру, нашептывания Луизы, которые он слышал накануне, и вид страдающей служанки перевесили чашу его доверия.

— Обыскать её покои, — глухо приказал герцог, не глядя Нине в глаза. — И лабораторию тоже.

Нина Петровна выпрямилась. Она не стала оправдываться. Она знала: сейчас начнется спектакль, финал которого — эшафот. Но она также знала, что у неё есть то, чего нет у этих заговорщиков — знание человеческой природы.

— Ищите, Себастьян, — произнесла она с ледяным презрением. — Но когда вы найдете то, что вам подбросили, помните: сердце не умеет лгать. В отличие от людей, которым вы верите.

Через десять минут Бертран, понутив голову, вынес из лаборатории восковую куклу с иглами и тот самый подмененный пузырек. Толпа охнула. Гроу зашелся в победном крике.

Нина стояла посреди залы, прямая как скальпель, и смотрела, как её новая жизнь рушится под весом древнего невежества. Битва за замок Де Вальде перешла в критическую фазу. И на этот раз наркоза не будет.

Глава 12(Себастьян)

(от лица Себастьяна)

Гвалт в людской начался, когда серое рассветное марево еще только цеплялось за зубцы Южной башни. Я проснулся не от стука в дверь, а от пронзительного, животного вопля, который мог принадлежать только существу, заглянувшему в пасть самой Смерти.

В груди мгновенно отозвалось. Старый зверь, присмиривший за последние дни благодаря горьким настойкам Элары, шевельнулся, выпуская когти. Я сел, хватая ртом холодный воздух спальни. В голове набатом забили слова Луизы, сказанные ею вчера через доверенного слугу: «Она погубит тебя, Себастьян. Она заберет твою жизнь, чтобы отдать её своему очкастому книжнику».

Когда я ворвался в коридор, прижимая ладонь к ноющему боку, там уже было не протолкнуться. Слуги в исподнем, перепуганные гвардейцы и посреди всего этого хаоса — Марта. Девчонка, которая еще вчера бойко натирала паркет, теперь корчилась на камнях пола. Её лицо стало цвета мокрой золы, изо рта толчками выходила бурая пена, а пальцы судорожно скребли плиты, оставляя на них белесые борозды.

— Проклятие! Это черное проклятие! — Мэтр Гроу возник рядом со мной, словно стервятник, почуявший пададь. Он был в одном кафтане, всклокоченный, но в его глазах я увидел не страх, а торжество. — Посмотрите на её жилы! Они чернеют! Это не болезнь, ваша светлость, это яд ведьмы!

Я посмотрел на Марту. Её тело выгнулось дугой, послышался сухой хруст — судорога была такой силы, что, казалось, сейчас сломает ей позвоночник. И в этот момент из своей лаборатории вышла Элара.

Она стояла в конце коридора, прямая и неестественно спокойная. В руках она сжимала тот самый темный пузырек, из которого поила меня по утрам. На её лице не было ни тени сочувствия, только та самая холодная, расчетливая сосредоточенность, которая пугала меня больше, чем её скальпели.

— Отойдите от неё, — скомандовала она. — Гроу, не смей к ней прикасаться своими грязными руками.

— Слышите?! — Гроу взвизгнул, обращаясь к толпе. — Она боится, что я увижу следы её колдовства! Ваша светлость, она отравила девчонку! Она тренируется на слугах, прежде чем взяться за вас!

Я смотрел на свою жену. В памяти всплыл вчерашний вечер: она в саду, склонившаяся к этому Артуру, их головы почти соприкасаются, её смех — живой, искренний, предназначенный не мне. «Коллега», — сказала она. Но коллеги не смотрят друг на друга так, будто весь остальной мир перестал существовать.

— Элара, — мой голос прозвучал глухо, словно из-под земли. — Что в этом пузырьке?

Она перевела взгляд на меня. В её глазах не было вины. Там было лишь ледяное разочарование.

— В этом пузырьке — твоя жизнь, Себастьян. Была. Пока кто-то не решил, что наперстянка слишком медленно лечит твою глупость.

— Взять её! — Гроу зашелся в крике. — Обыщите её логово! Там вы найдете доказательства её сделки с Тьмой!

Бертран посмотрел на меня, ожидая приказа. Его рука лежала на эфесе меча, но он медлил. Он видел, как она зашила Ганса. Он видел барона на балу. Но Марта... Марта умирала у нас на глазах, и это было реальностью, которую нельзя было игнорировать.

— Обыскать, — приказал я. — Всё. Лабораторию, покои. Бертран, лично проверь каждый угол.

Элара не шелохнулась, когда гвардейцы прошли мимо неё. Она лишь плотнее сжала пузырек и сделала шаг к бьющейся в конвульсиях служанке.

— Не смей, — я преградил ей путь. — Пока Бертран не вернется, ты не притронешься ни к кому в этом замке.

— Она умрет через десять минут, Себастьян, — спокойно ответила она. — У неё паралич дыхательного центра. Если я не промою ей желудок и не дам сорбент, ты можешь начинать заказывать гроб. Еще один.

Я не ответил. Зверь в моей груди рвал легкие, перед глазами плыли красные пятна. Гордость, ревность и страх сплелись в один удушливый узел.

Бертран вернулся быстро. Слишком быстро. Его лицо было бледным, а в руках он нес то, от чего толпа ахнула и попятилась, крестясь.

На свету, подрагивая в пальцах капитана, висела восковая кукла. Грубая, уродливая, обмотанная моими волосами — я узнал их по цвету. Из груди куклы, прямо там, где должно быть сердце, торчала длинная черная игла.

А рядом, на подносе, лежал лоскут розового шелка. Ткань, которую нельзя было спутать ни с чем другим. Цвет «пыльной розы». Любимый цвет Луизы.

— Это было спрятано под стопками бинтов, — глухо сказал Бертран. — А в её склянках... Мэтр Гроу, взгляните.

Гроу выхватил пузырек, который Элара оставила на столе, понюхал и едва не зашелся в кашле.

— Сурьма! Концентрат сурьмы и сок чемерицы! Это яд, ваша светлость! Чистый яд! Она подмешивала его вам в питье!

Я взял куклу. Воск был теплым, податливым. Я коснулся кончика иглы, и острая боль пронзила палец. Капля крови выступила на коже. В этот момент мне показалось, что игла вошла мне в самое сердце. Не та, восковая. А та, что держала в руках эта женщина.

— Элара? — я посмотрел на неё, надеясь... на что? Что она упадет на колени? Что она скажет, что это подлог?

Она стояла, скрестив руки на груди. Её взгляд скользнул по кукле, по розовому шелку, по торжествующему лицу Гроу. И на её губах появилась горькая, почти презрительная усмешка.

— Розовый шелк? Серьезно? — её голос звенел, как сталь о камень. — У Луизы всегда был дурной вкус, но я не думала, что она считает тебя настолько непроходимым тупицей, Себастьян.

— Замолчи! — рявкнул я. — Здесь твои яды! Здесь твоё колдовство! Марта при смерти! Что ты скажешь на это, «врач»?

Элара сделала шаг вперед. Гвардейцы вскинули алебарды, но она даже не посмотрела на них. Она подошла ко мне вплотную, и я почувствовал от неё запах уксуса и чистоты — запах, который я начал любить.

— Я скажу, что вы идиот, Себастьян. Клинический. Неизлечимый. Вы верите в восковые куклы и рассказы этого недоучки, который не может отличить инфаркт от несварения. Вы верите Луизе, которая подбросила этот тряпичный мусор, даже не потрудившись скрыть цвет своего платья.

— Улики... — начал я, но она перебила меня, хлестко, как пощечиной.

— Улики? Твоя главная улика — это то, что ты еще жив! Если бы я хотела твоей смерти, ты бы остыл еще в первую брачную ночь, и никто бы не нашел в твоей крови ничего, кроме избытка вина. Я спасала тебя. Я вытаскивала твое изношенное сердце из могилы, в которую ты сам себя загонял.

Она обвела залу взглядом, и люди отводили глаза.

— Если вы верите, что я, женщина, которая зашила Ганса и вернула дыхание барону, буду тыкать иголки в куклы... значит, вы не достойны ни меня, ни моего титула, ни этой жизни, которую я вам подарила.

— Ты отправишься в башню, — сказал я, чувствуя, как внутри всё выгорает. — До выяснения. До того момента, пока Марта не заговорит. Или пока не подохнет.

— Она подохнет через пять минут, — Элара кивнула на служанку, чьи конвульсии стали слабее, переходя в предсмертную дрожь. — И её кровь будет на твоих руках, Себастьян. И на руках этого бородатого шута. Сажайте меня в темницу. Делайте, что хотите.

Она подошла к Бертрону и сама протянула руки для оков. Капитан посмотрел на меня с немой мольбой, но я лишь коротко кивнул. Железо лязгнуло на её тонких запястьях, и этот звук отозвался во мне физической болью.

Элара обернулась у самой двери. Её взгляд был сухим и ясным. В нем не было ни капли страха.

— Запомни мои слова, Себастьян де Вальде. Гордость — это плохой анестетик. Скоро твое сердце снова начнет давать сбои. Стресс, ярость и отсутствие нормального лечения сделают свое дело. И когда ты начнешь задыхаться, когда тьма начнет застилать тебе глаза — не зови меня. Умирай в руках Гроу. Это будет достойный финал для такого великого лорда.

Она ушла, не оглядываясь. Прямая, гордая, непобежденная. Бертран и двое стражников вели её по коридору, и эхо их шагов казалось мне ударами молота по крышке гроба.

— Ваша светлость... — Гроу подошел ближе, протягивая руку к моему плечу. — Вы поступили правильно. Тьма должна быть изгнана...

Я сбросил его руку с такой силой, что он отлетел к стене.

— Вон! Все вон! Уберите девчонку! Вызовите священника!

Когда зала опустела, я остался один. В руках я всё ещё сжимал восковую куклу. Игла колола ладонь, но я не выпускал её. Внезапно мир качнулся. Резкая, острая боль, похожая на удар кинжала, прошла грудную клетку слева.

Я схватился за колонну, чувствуя, как ноги становятся ватными. Воздух... воздух стал густым, как патока. Я пытался вдохнуть, но легкие отказывались работать. Перед глазами поплыли черные круги.

«Не зови меня», — прозвучал в голове её голос.

Я сполз по колонне на пол, прижимая куклу к груди. Зверь внутри торжествовал. Он рвал мое сердце на части, и впервые в жизни мне было не на кого надеяться. Я запер свою надежду в Южной башне. Я сам повернул ключ.

Тьма начала сгущаться по краям зрения. Последнее, что я увидел, был розовый лоскут шелка на полу. Луиза. Розовый шелк.

«Идиот», — подумал я, теряя сознание. — «Клинический идиот».

Глава 13

Железный скрежет засова прозвучал для меня не как приговор, а как точка в затянувшемся и крайне бестолковом совещании. Тяжелая дубовая дверь, оббитая коваными полосами, захлопнулась, отсекая вопли Мэтра Гроу и тяжелое, свистящее дыхание Себастьяна.

Я осталась в тишине.

Южная башня встретила меня запахом старой пыли, сырого камня и застоялого, нежилого холода. В узкое окно-бойницу пробивался скудный свет затухающего рассвета. Меблировка была по-монашески скромной: узкая лежанка с соломенным тюфяком, колченогий табурет и пустой очаг, из которого тянуло пеплом.

Я медленно опустила руки. Кандалы, которые Себастьян приказал надеть на меня в порыве своей «справедливой ярости», неприятно холодили запястья.

«Ну что, Нина Петровна, — подумала я, присаживаясь на край лежанки. — С повышением вас. Из герцогинь в государственные преступницы за рекордно короткий срок».

В моей прошлой жизни, там, где остались белые халаты и бесконечные очереди в ординаторскую, я бы сейчас, наверное, плакала. Или билась в истерику. Но когда тебе ментально девяносто, а за плечами семь десятилетий операционных столов, военно-полевых госпиталей и дежурств по трое суток, тюремная камера кажется просто... тихой одноместной палатой. Без телевизора и сестринского поста, зато и без родственников, требующих невозможного.

Для меня это был незапланированный отпуск. Первая минута за все эти безумные дни, когда мне не нужно было никого спасать, никого строить и ничье сердце не пыталось остановиться прямо у меня под руками.

Я огляделась. Профессиональная деформация — штука неизлечимая. Мой взгляд хирурга методично сканировал пространство на предмет патогенов. Слой пыли на подоконнике — риск аллергического ринита. Плесень в углу — грибковая инфекция. Гнилая солома — рассадник блох и тифа.

— Состояние палаты: неудовлетворительное, — пробормотала я. — Требуется генеральная уборка и кварцевание. Но за неимением ламп сойдет и щелок.

В коридоре раздались нерешительные шаги. В смотровом окошке двери показался глаз. Судя по высоте — кто-то невысокий или сильно сутулящийся.

— Эй, ведьма... ты там не сдохла еще? — голос был молодым и дрожал от суеверного ужаса.

Я поднялась и подошла к двери. Кандалы звякнули. Тень в окошке испуганно отпрянула.

— Меня зовут леди Элара, молодой человек. И я не «сдохла», я провожу санитарный осмотр помещения. Кто там? Томас?

— Т-томас, — выдохнул парень.

Я помнила его. Один из младших стражников, вечно шмыгающий носом и верящий в леших больше, чем в устав. Через минуту в кормушку у пола просунули миску с чем-то серым и подозрительным. Запах вареной брюквы и застарелого жира ударил в нос.

— Убери это, Томас, — спокойно сказала я. — Я не намерена лечить себе гастрит в этих условиях. Слушай меня внимательно.

— Я... я не должен с тобой говорить! Мэтр Гроу сказал, ты выпьешь мою душу!

Я придвинулась ближе к двери и понизила голос до того самого доверительно-пугающего тона, которым врачи сообщают о необходимости неприятной процедуры.

— Мэтр Гроу — шарлатан. А я вижу тебя насквозь, Томас. Вижу, как ты почесываешь левое плечо — у тебя там фурункул, верно? И как ты приволакиваешь ногу. Но это мелочи. Если ты сейчас же не принесешь мне ведро чистой воды, веник и кусок щелока, я найшу на тебя *Impotentia Vulgaris*.

— Ч-чего? — пискнул Томас.

— Латынь, дурачина. Страшное проклятие. Твоя мужская сила увянет быстрее, чем эта брюква в миске. Ты никогда не познаешь радостей брака, и ни одна девка в деревне на тебя не посмотрит. Будешь ходить сухим грибом до конца дней. Хочешь?

Наступила тишина. Я почти слышала, как в его бедной голове скрипят шестеренки, перемалывая ужас.

— В-вода и щелок? — переспросил он сорванным голосом.

— И веник. И чистую ветошь. Живо. Время пошло, Томас. Каждое мгновение промедления уменьшает твои шансы на полноценную личную жизнь.

Его шаги унеслись по коридору с такой скоростью, будто за ним гналась свора гончих. Я усмехнулась. Психотерапия — великая вещь, особенно если пациент верит в черную магию, а ты знаешь латинские названия недугов.

Пока «медперсонал» бегал за инвентарем, я нашла в холодном очаге кусок древесного угля. Стена камеры была гладкой и серой — идеальный холст.

Я начала рисовать. Не пентаграммы, конечно. Я чертила график.

Ось «Х» — время. Ось «Y» — состояние замка.

Запах гари из окна (кухня опять жжет масло) — минус к дисциплине.

Тишина в конюшне — Ганс жив, но за ним никто не смотрит.

Резкие крики Луизы, долетающие снизу — «пациентка» в истерике, значит, гормональный фон зашкаливает.

Я вела дневник наблюдений. Замок Де Вальде был моим большим, запущенным организмом, и даже из башни я чувствовала, как его лихорадит. Самое страшное — я знала, что Гроу сейчас «лечит» Себастьяна. Кровопускания, ртуть, молитвы... Они добьют его миокард за неделю.

Дверь снова заскрипела. На этот раз шаги были тяжелыми, размеренными. Томас прихлопнул ведро и веник, но за его спиной стоял Гюнтер — начальник стражи. Старый вояка, чье лицо напоминало дубленую кожу, иссеченную шрамами.

Он смотрел на меня хмуро, опираясь на тяжелый меч.

— Зачем тебе щелок, девка? — пробасил он. — Колдовать вздумала?

Я не стала оборачиваться, продолжая чертить углем по стене.

— Гюнтер, у тебя левое бедро заклинило три года назад после падения с лошади, или это свежее ранение?

Он замер. Я слышала, как он невольно переступил с ноги на ногу, и застарелый сустав отозвался сухим, отчетливым щелчком.

— Откуда...

— Я врач, Гюнтер. Я вижу, как ты подволакиваешь ногу, пытаешься скрыть боль. Ты спишь на правом боку, потому что левый немеет, а по утрам не можешь разогнуться первые полчаса. Застарелый радикулит с защемлением седалищного нерва. Если не лечить — через полгода сядешь в кресло и будешь только командовать, как слуги тебя обмывают.

Гюнтер вошел в камеру. Суеверия в его глазах боролись с надеждой старого солдата, который устал от постоянной, выматывающей боли.

— Мэтр Гроу прикладывал мне горячие камни и читал молитву Святого Пантелеймона, — буркнул он.

— Мэтр Гроу — идиот. Тебе нельзя греть это место при обострении. Слушай меня, ветеран. Ты сейчас поможешь Томасу вычистить здесь всё. А взамен я покажу тебе три упражнения. Назовем это «Гимнастикой Севера». Ты будешь растягивать позвоночник вот на той верхней балке под моим присмотром. И втирай спиртовую настойку сабельника — она осталась в моем шкафу в лаборатории, если её еще не вылили.

Гюнтер долго молчал, глядя на мои кандалы.

— Сними с неё железо, Томас, — вдруг приказал он. — Какая из неё ведьма... Ведьмы обещают золото и вечную жизнь, а эта обещает, что я смогу сам сапоги надевать. Это почище любой магии будет.

Кандалы упали на пол с гулким звоном. Свобода. Относительная, конечно, но запястьям стало легче.

Следующий час Южная башня содрогалась от нетипичной активности. Перепуганный Томас скреб пол, Гюнтер, кряхтя, выбивал тюфяк, а я, засучив рукава, отмывала подоконник и стены от вековой копоти.

К полудню моя камера превратилась в «стерильную зону». Гюнтер, честно выполнивший первую серию растяжек под моими командами («Тянись, Гюнтер, не ной! Ты солдат или кисель?!»), стоял у окна, изумленно прислушиваясь к ощущениям в спине.

— Легче... — прошептал он. — Впервые за весну нога не стреляет.

— Это физиология, Гюнтер. Мы просто освободили нерв. Теперь иди и принеси мне нормальной еды. Нежирный бульон, подсушенный хлеб и яблоки. И свечу. Мне нужно продолжать вести записи.

— Будет сделано, леди... — он замялся. — Леди Доктор.

Когда дверь закрылась, я села у окна. Тюрьма перешла под мой негласный контроль. Стража теперь была моими «пациентами», а значит — моими союзниками.

Я посмотрела на главную башню замка. Там, за каменными стенами, Себастьян медленно умирал от собственной гордости и «лечения» Гроу. Я видела, как в его окнах мечутся тени — слуги бегали со тазами. Кровопускание. Опять.

Я взяла уголек и провела жирную черную черту на стене.

— Вскрытие покажет, Себастьян, кто из нас был прав, — негромко сказала я в пустоту камеры. — Но я очень постараюсь до этого не доводить. Потому что кардиохирурги не любят проигрывать Смерти. Даже если их заперли в башне.

Я легла на вычищенный тюфяк, укрывшись принесенным Гюнтером теплым одеялом. Завтра будет новый день. И судя по тому, как усилился запах гари с кухни и как стихли крики Луизы (видимо, Гроу дал ей успокоительное на опиоиде), завтра в замке начнется совсем другая история. Эпидемиологическая обстановка накалялась, и я была единственной, кто знал, как остановить этот поезд, летящий в пропасть.

Сон пришел мгновенно. Сон хирурга перед большой операцией — глубокий, без сновидений, восстанавливающий. Мне нужны были силы. Скоро замок Де Вальде сам откроет мои двери, и это будет не просьба о помиловании. Это будет крик о спасении.

Глава 14(Себастьян)

(от лица Себастьяна)

Я проснулся от чувства, будто мне на грудь положили могильную плиту. Воздух в спальне был таким густым и липким, что его хотелось раздвигать руками. Мэтр Гроу настоял на том, чтобы окна были заколочены, а тяжелые портьеры задернуты — он твердил, что «целебное тепло» не должно покидать покои герцога.

Но это тепло пахло не жизнью. Оно пахло пылью, несвежим бельем и прокисшим настоем, который Гроу заставлял меня пить трижды в день.

Я сел на кровати, и в голове тут же завыли сотни мелких колоколов. В груди привычно жгло. Я посмотрел на прикроватный столик. Слой серой пыли на полированном дереве был таким отчетливым, что на нем можно было писать. Раньше я бы этого не заметил. Раньше мне было плевать. Но теперь...

«Застойный воздух — союзник гробовщика».

Голос Элары прозвучал в моих мыслях так ясно, будто она стояла за моей спиной. Я невольно обернулся, но увидел лишь пустые тени в углах. Она была там, в Южной башне. В сырости и холоде, куда я сам её отправил три дня назад.

Я коснулся своего запястья, как она учила. Пульс бился рвано, испуганно, словно загнанный в силки заяц. Один удар, пропуск, два быстрых толчка. Зверь внутри меня снова расправил плечи, почуяв отсутствие своего единственного укротителя.

— Бертран! — мой голос сорвался на хрип.

Капитан вошел не сразу. Когда он наконец появился, я заметил, что его ливрея помята, а на сапогах — пятна вчерашней грязи. Дисциплина в замке осыпалась, как сухая штукатурка.

— Завтрак в залу, — приказал я. — И вели Гритт... вели ей позвать горничных. Здесь дышать нечем.

В большой зале было не лучше. Без стального взгляда Элары замок стремительно возвращался в свое привычное состояние: роскошное, но неопрятное гнилье.

Луиза уже сидела за столом. Она заняла место во главе, там, где должна была сидеть герцогиня. На ней было новое платье из тяжелого атласа, настолько пышное, что она занимала собой всё пространство.

— Себастьян, дорогой! — она вскинулась, её голос зазвенел, как битое стекло. — Наконец-то ты вышел. Ты выглядишь... ох, ты выглядишь ужасно. Гроу говорит, что тебе нужно больше отдыхать. А эти слуги! Ты представляешь, этот ленивый повар отказался готовить мой любимый соус! Мне пришлось лично спуститься и...

— И что? — я тяжело опустился в кресло. — Ты заставила его вымыть руки?

Луиза осеклась, её напудренное лицо исказилось.

— Зачем? Я приказала высечь его помощника за дерзость. И посмотри, что они подали!

На золоченом блюде лежал огромный кусок вепря. Мясо плавало в луже желтого жира, густо посыпанное черным перцем. Запах был таким тяжелым, что мой желудок мгновенно отозвался резкой, жгучей волной изжоги.

Я вспомнил овсянку. Ту самую пресную, сероватую кашу, которую Элара подавала мне на воде. Тогда я считал это унижением. Сейчас, глядя на лоснящийся жир вепря, я понял, что готов отдать половину своего золота за одну миску той каши.

Я взял нож, отрезал кусок, но не смог донести его до рта. Тошнота подступила к горлу.

— Где Гритт? — спросил я. — Почему в залах снова пахнет псиной?

— Гритт плачет в кладовой, — Луиза небрежно махнула рукой, обглаживая птичью косточку. — Она твердит, что без «распоряжений миледи» всё идет прахом. Глупая женщина.

Я велела ей заткнуться. Себастьян, нам нужно заказать новые гобелены из столицы. Эти пахнут сыростью, и я не намерена это терпеть.

Я смотрел на Луизу и видел то, чего не замечал раньше. Тремор её пальцев, когда она подносила кубок к губам. Излишний блеск глаз. И этот её визг... Она не правила замком, она просто создавала шум.

После завтрака в мои покои пришел Мэтр Гроу. Он приволок свой саквояж, от которого несло плесенью и какими-то старыми костями.

— Ваша светлость, — он расплылся в подобострастной улыбке. — Я приготовил для вас новый эликсир. Луиза передала мне редкие коренья. Это вернет вам силы, которые выпила та ведьма. И я думаю, сегодня нам стоит пустить немного дурной крови... пару кубков, не больше.

Я посмотрел на его руки. Короткие, толстые пальцы. Грязь под ногтями. Я вспомнил, как Элара перед каждой процедурой терла руки щелоком до красноты. Я вспомнил блеск её чистого скальпеля.

Гроу потянулся к моему плечу, чтобы расстегнуть сорочку, и я невольно отшатнулся.

— Уйди, — бросил я.

— Но, милорд... кровь застоялась, её нужно обновить...

— Я сказал — уйди, Гроу! — я прижал руку к груди. Сердце сделало кувырок и замерло на долгую, бесконечную секунду. — Твои пиявки не спасут меня от того, что я задыхаюсь.

Лекарь попятился, его лицо стало обиженным.

— Как угодно. Но помните: молитва и кровопускание — единственные верные пути. А то, что делала девчонка...

Я не дослушал. Я вышел из комнаты, чувствуя, что стены давят на меня.

Я шел по коридорам и видел регресс. Слуги больше не торопились. Горничные шептались по углам, не обращая внимания на пыль. На кухне, мимо которой я прошел, снова летали жирные мухи, а повар пробовал суп той же ложкой, которой мешал угли.

Замок Де Вальде снова превращался в гниющую кучу камней. Он умирал вместе со мной. Ноги сами привели меня к Южной башне.

Я остановился в тени старой арки, глядя на узкое окно высоко наверху. Там, за этими камнями, сидела женщина, которая назвала меня «клиническим идиотом». И чем дольше я стоял здесь, вдыхая запах гнили своего замка, тем больше я понимал — она была права.

Я — герцог. У меня есть армия, земли, золото. Но я не могу заставить повара вымыть руки, если за моей спиной не стоит эта холодная, спокойная девочка со стальным взглядом.

В груди снова екнуло. Я прислонился к холодному камню стены, чувствуя, как пот катится по спине.

Вдруг из-за угла донеслись голоса. Я замер, не желая, чтобы меня видели в таком состоянии. Это были Гюнтер, начальник стражи, и молодой Томас. Они сидели на скамье у входа в башню, чистя свои доспехи.

— Говорю тебе, Томас, она не ведьма, — голос Гюнтера был низким и серьезным. — Ведьмы насылают порчу. А она... я вчера впервые за три года смог сам сапоги надеть без крика. Она показала мне, как тянуть жилы на балке. Назвала это «гимнастикой».

— А я видел её камеру, — прошептал Томас. — Чистота там такая, что хоть из тарелки ешь. Она заставила меня всё отмыть. И знаешь, дядька Гюнтер... она со мной говорит так, будто я человек, а не грязь под ногами. Спрашивает, не болит ли чего.

— Леди Доктор, — вздохнул Гюнтер. — Гвардейцы её так прозвали. Гроу орет про дьявола, а мужики говорят: если она ведьма, то почему от её советов легче, чем от поповских молитв? Конюх Ганс вон уже по двору ковыляет. Гроу его зарезать хотел, а она ногу спасла.

Томас тихо засмеялся.

— В тюрьме теперь спокойнее, чем на господской кухне. Там хоть заразой не пахнет. Я стоял, вжавшись в камни, и слушал их.

Меня, герцога Себастьяна де Вальде, они боялись. Перед Луизой они заискивали, пряча усмешки в кулак. Но её — нищую девчонку в кандалах — они уважали. Они называли её «Леди Доктор».

Моё самолюбие, израненное и кровоточащее, получило новый удар. Я думал, что запер её, чтобы наказать за дерзость. Но я наказал только себя. Она даже в камере создала свой мир — мир порядка, знаний и исцеления. А я остался в мире жирных вепрей и грязных рук Гроу.

Я посмотрел на свои руки. Пальцы дрожали. Ртуть? Или страх?

Я хотел войти. Хотел подняться по винтовой лестнице, открыть дверь и сказать... а что сказать? «Прости, я был неправ»? Слово «прости» застряло в моем горле, как кость того самого перепела. Гордость де Вальде была крепче гранитных стен башни.

В груди снова кольнуло. Остро. Резко.

Я развернулся и быстро, насколько позволяло дыхание, пошел прочь от башни. В голове стучала одна-единственная мысль: «Я еще справлюсь. Гроу поможет. Луиза поможет».

Но когда я проходил мимо зеркала в переходе, на меня взглянул старик с серым лицом и потухшими глазами.

А из глубины замка донесся визгливый крик Луизы: она снова на кого-то орала.

Замок Де Вальде продолжал гнить. И я вместе с ним.

Глава 15

Ночь в Южной башне имела свой особенный ритм. Камни, остывая, издавали тихие, едва слышные вздохи, похожие на шелест изношенных легких. Я сидела у узкого окна-бойницы, вдыхая ночной воздух. Для обычного человека это был просто ветер, но для хирурга с девяностолетним стажем он был отчетливым медицинским отчетом.

Снизу, со стороны кухни, несло пережаренным, прогорклым жиром — верный признак того, что повара окончательно расслабились без моего надзора. К этому примешивался тяжелый дух нечистот из забитых канав.

Я повернулась к стене, где мой угольный график пополнился новой меткой.

— Инкубационный период подходит к концу, — прошептала я, глядя на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.